

Урожайный Вестник

Наталья Александрова

Звонок с того света

НОВИНКА

Наталья Николаевна Александрова
Звонок с того света
Серия «Детектив-любитель Надежда Лебедева»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=302082

*Звонок с того света : [роман] / Наталья Александрова. : АСТ, АСТ МОСКВА; Москва; 2010
ISBN 978-5-17-062813-1, 978-5-17-063673-0, 978-5-17-063673-0, 978-5-403-03307-7*

Аннотация

Не везет Надежде Николаевне... Хотела несколько дней отдохнуть в Пушкинских горах, но не доехала – сломался автобус, и она оказалась одна среди бескрайних полей... К счастью, около нее остановился черный «мерседес», а в нем – старинный приятель Сергей, превратившийся в крупного бизнесмена. И вот вместо турбазы Лебедева оказалась в его поместье. И тут, как и положено в настоящем поместье, начинаются загадочные убийства. Все обитатели поместья превращаются или в жертв, или в подозреваемых... Только детектив-любитель Надежда Лебедева может распутать клубок запутанных семейных отношений и найти убийцу!

Книга также издавалась под названием «Персона царских кровей».

Содержание

Звонок с того света	4
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Наталья Александрова

Звонок с того света

«Ну можно ли быть такой дурой!» – вздохнула Надежда, глядя вслед большой красной машине.

Вот машина издевательски мигнула задними огнями и скрылась за поворотом дороги.

– Ну можно ли быть такой доверчивой дурой! – повторила Надежда вслух.

Ей никто не ответил, автобусная остановка была пуста. Надежда Николаевна снова вздохнула и уселась на лавочку, сначала придирчиво осмотрев ее на предмет чистоты. Делать было совершенно нечего. Солнце прошло уже половину своего пути и понемногу клонилось к западу. В воздухе стояло жаркое марево, какое бывает в конце июня. От белых цветов у дороги одуряюще пахло медом. Басовито гудели пчелы. Было тихо и скучно.

– Черт знает что! – громко сказала Надежда, чтобы развеять это сонное благолепие.

Настроение у нее было отвратительное. Самое противное заключалось в том, что злиться в данной ситуации можно было только на себя, на свою глупость, неосторожность и доверчивость.

Все началось вчера после обеда, когда раздался телефонный звонок подруги Милки.

– Надя! – кричала та в панике. – Надя, выручай!

– Да что еще случилось? – встревожилась Надежда. – Ты как в городе оказалась? Ты же должна была в Пушгоры уехать...

– Так в этом-то все и дело! – завопила Милка, она вообще по телефону разговаривала всегда так, как будто, не доверяя телефонной связи, старалась докричаться до абонента напрямую.

В процессе дальнейшей беседы, происходившей на повышенных тонах, выяснилось, что в Пушкинские Горы Милка должна ехать завтра, но ехать она никак не может, потому что Сандра родила раньше срока и Милка не может ее бросить.

«Начинается...» – успела подумать Надежда.

Сандра – Милкина собака, замечательной красоты и ума немецкая овчарка, Милка относилась к ней с большим трепетом, а Милкин муж в собаке души не чаял. Роды у Сандры были первыми, все прошло благополучно, но муж строго-настрого запретил Милке покидать новорожденных щенят. Милка в данный момент была в отпуске и рассчитывала до собачьих родов съездить проветриться в Пушгоры, а то что за отпуск такой – дома сидеть. Но не получилось.

– Надя, – Милка перешла к делу и даже понизила голос, – езжай завтра вместо меня, а то путевка пропадет.

– Да ну что ты! – отмахнулась Надежда. – Мне на дачу надо, и вообще...

Под «вообще» подразумевалось нежелание срываться с места вот так, с бухты-баракты, и еще Надежда Николаевна не хотела оставлять мужа одного.

Не подумайте плохого, Сан Саныч был очень порядочным человеком, Надежда и представить себе не могла, что он использует ее неожиданное отсутствие для того, чтобы привести в квартиру молодую сотрудницу, просто муж много работал, и Надежде Николаевне не хотелось оставлять его без своей заботы и внимания.

Кроме того, было еще кое-что.

Уже больше года Надежда Николаевна Лебедева, симпатичная интеллигентная женщина пятидесяти лет (нужно смотреть правде в лицо), нигде не работала. Это случилось не по ее вине, просто институт, где Надежда трудилась очень много лет, претерпел реорганиза-

цию, и их отдел сократили полностью, не разбираясь, кто хороший специалист, а кто просто балласт.

Первое время Надежда очень расстраивалась, а потом успокоилась – как известно, к хорошему привыкаешь очень быстро. Тем более что муж всячески приветствовал Надеждину свободу и слышать не хотел о том, чтобы жена пыталась искать новую работу. Но многочисленные знакомые доставляли Надежде Николаевне некоторые неприятные минуты – ей казалось, что кто-то смотрит на нее свысока и считает домохозяйкой в самом плохом смысле этого слова – дескать, мается тетка от безделья, тупеет от сериалов и бесконечно вылизывает квартиру, а больше и дел-то у нее никаких нет.

Первое время друзья и родственники беспардонно пользовались Надеждиной свободой и давали ей множество поручений: поехать, привезти, посидеть, проводить, подежурить, забрать или, наоборот, отдать, получить, погулять и проверить уроки. В конце концов Сан Саныч вежливо, но твердо такое поведение близких пресек, и Надежда зажила как белая женщина: занималась своим здоровьем, плавала в бассейне и даже записалась на занятия какой-то особенной йогой.

Однако голова ее, привыкшая усиленно работать, сейчас была свободна. И в голове этой появлялись разные мысли. Хорошо если с теми же самыми знакомыми происходили разные занятные криминальные истории – в этом случае Надежда была начеку и тут же мчалась на помощь. Даже когда ее об этом не успевали попросить, ехидно говорил в таких случаях ее муж Сан Саныч, который очень такого Надеждиного поведения не одобрял, утверждая, что нельзя безнаказанно испытывать судьбу и что жена его когда-нибудь может серьезно пострадать от своего безрассудства и авантюрных наклонностей.

Впрочем, такое Сан Саныч говорил редко, потому что Надежда зорко следила, чтобы муж про ее приключения ничего не узнал – во избежание семейных сцен.

Но как назло за последнее время ничего со знакомыми не случалось, и Надежда Николаевна сильно заскучала. Муж даже утверждал, что у нее портится характер.

Но от Милки не так-то легко было избавиться: уж если она решила выпихнуть Надежду в Пушгоры, то ни за что не отступится.

– Надя, сделай милость, поезжай, а? – говорила она. – А то я так расстраиваюсь. Даже не из-за денег, хотя путевка дорогая, там какой-то новый отель, четыре звезды, называется «У Ольги и Татьяны». Условия хорошие, даже бассейн вроде бы есть. У меня не получилось, так хоть ты отдохнешь.

Милка так орала, что Сан Саныч все понял. И неожиданно стал уговаривать Надежду поехать.

– Езжай, Надя, места там замечательные! – вздохнул он. – Я как вспомню эти просторы, и парк чудесный...

– Да что я, по-твоему, в Пушгорах не была, что ли... – обиделась Надежда.

– И когда в последний раз это было? – прищурился муж.

Выяснилось, что последний раз Надежда была в заповеднике лет двадцать назад с экскурсией от работы. И то было это поздней осенью, шел дождь, и дороги размыло.

– Вот, а сейчас погода отличная, – уговаривал Сан Саныч, – все цветет. Поглядишь на Михайловское, посидишь под дубом, где сам Александр Сергеевич, говорят, сживал, стихи вспомнишь. «У лукоморья дуб зеленый, златая цепь на дубе том...» Пушкин – это наше все!

– Да что мне вспоминать, я и так Пушкина помню! – рассердилась Надежда. – Вот, пожалуйста: «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя, то как зверь она завоет, то заплачет, как дитя...»

– Ну, это ты не по сезону! – протянул Сан Саныч. – А про теплое время года ничего нет?

– Пожалуйста! – с маху ляпнула Надежда. – «Мороз и солнце, день чудесный! Еще ты дремлешь, друг прелестный!»

И осеклась от мужниного хохота. Больше, как ни старалась, она, к своему стыду, ничего из Пушкина вспомнить не могла. Сан Саныч же откашлялся и разразился целой главой из «Евгения Онегина» – он-де в школьные годы на спор выучил роман в стихах наизусть. Надежда разинула рот – муж не переставал ее удивлять.

Милка, которая выслушала всю их беседу, поскольку Надежда забыла повесить трубку, сочла Надежду полностью побежденной и сказала, что скучно ей не будет: с Милкой сговорились ехать две ее приятельницы с работы – Виктория и Вероника, очень милые женщины, вежливые и общительные.

– Отлично проведешь время, они заводные такие, – посмеивалась Милка.

– Да мне бы кого посерьезней, моего возраста... – сдаваясь, пробормотала Надежда.

– Хочешь отодвинуть старость – выбирай подруг моложе на десять лет! – выдала Милка свежую сентенцию и отключилась.

Наутро муж растолкал Надежду рано-рано, напоил крепким кофе, всунул в руки заранее собранную сумку, кошелек и паспорт и мигом домчал на машине до места сбора группы. Но сделал он это на час раньше назначенного срока, потому что торопился на работу, и Надежда сорок минут топталась на пустой площади, потому что в такую рань даже кафе были закрыты.

Подали автобус, и к Надежде подошли две Милкины сослуживицы – довольно разбитные дамочки лет сорока с хвостиком, как определила Надежда.

– Вика, – представилась одна.

– Ника, – тут же добавила вторая. – Мила рассказывала о вас...

– ...много хорошего, – закончила Вика.

Как потом выяснилось, приятельницы изъяснялись только таким способом: если одна начинала фразу, вторая ее непременно заканчивала. И если этой, второй, удавалось сказать хоть одно слово следующего предложения, закончить его не было у нее никаких шансов.

Обе дамы были одеты в яркие цветастые платья похожего фасона, только у Вики на голове была белая кепка с длинным козырьком, а Ника прятала лицо под кокетливой широкополой соломенной шляпой с розовой лентой.

Надежда села сзади, место рядом с ней пустовало, и она настроилась на приятное путешествие. В самом деле – погода отличная, впереди – прекрасный заповедник Пушкинские Горы, сказочные места. Она с удовольствием погуляет, осмотрит дом в Михайловском, где Пушкин провел два года в ссылке и написал множество стихов, и послушает экскурсовода. Муж прав, Пушкин – это наше все, а она ни одного стихотворения наизусть не помнит. Стыд какой!

До Луги ехали благополучно, только водитель, молодой симпатичный парень, хмурился и мрачно сдвигал брови.

Надежда смотрела в окно, где проносились яркие, веселые домики с красивейшими палисадниками. В каждом дворе непременно красовался огромный куст пионов, иногда долетал даже аромат цветов.

Ее попутчицы полностью оправдывали данную Милкой характеристику – заводные и общительные. Всю дорогу Надежда слышала их хохот и визг. Группа в основном состояла из семейных пар средних лет и женщин старше шестидесяти. Эти были по двое, по трое, и даже одна большая компания из шести бодрых старушек, которые твердо настроились получить в поездке свою порцию культуры и поглядывали на Вику и Нику, неодобрительно поджав губы.

Из одиноких мужчин в группе наличествовал пузатый старичок во флотском кителе без погон и в фуражке с крабом. Вика и Ника и его прибрали к рукам, старичок рассказывал анекдоты и первым громко над ними смеялся.

После Луги пошли сложности, водитель останавливался на заправках, даже на неопытный Надеждин взгляд, слишком часто. Пока пассажиры радостно устремлялись к туалетам, водитель обходил вокруг автобуса, хмуро поглядывал на колеса и в лучших традициях пинал ногами шины.

Наконец неприятности пришли. Автобус вильнул на повороте, накренился, но водитель сумел затормозить. Выяснилось, что прокололи шину. Или она сама лопнула, что ничуть не лучше. Доехали черепашим шагом до ближайшего городка, где была автомастерская. Пассажиров отпустили погулять на час.

– Значит, не меньше трех он провозится! – со знанием дела заявил один мужчина, но жена дернула его за рукав и приказала молчать, чтобы не расстраивать людей попусту.

Три не три, но два часа с шиной провозились. За это время Надежда Николаевна успела съесть мороженое, выпить полбутылки минеральной воды (без газа, разумеется), потом купила пакет кукурузных чипсов, после чего снова захотелось мороженого. Можно было бы обозреть окрестности, но совершенно не хотелось этого делать – на площадке перед мастерской росли три чахлые акации и стоял заброшенный барак с заколоченными окнами.

Члены группы приуныли. И то сказать – им обещали прибыть в отель к обеду. А после обеда уже назначена была экскурсия в Святогорский монастырь на могилу Пушкина. Людям хотелось поесть и отдохнуть, а так, пожалуй, и все номера приличные в отеле разберут.

Наконец тронулись, теперь даже Вика с Никой утомленно молчали, только экскурсовод заученно бубнила что-то из биографии Александра Сергеевича.

Автобус резво бежал по шоссе. Мелькнул указатель на Псков, но они свернули в сторону. Деревни Псковской области были еще красивее и чище, чем лужские, Надежда только диву давалась. Ни одной криво сложенной поленицы, ни одного выбитого стекла, ни одного пепелища или разрушенного дома. Дома утопали в садах, и всюду цвели пионы – красные, розовые, белые...

Пассажиры понемногу приободрились, только водитель по-прежнему был мрачен. Снова свернули на заправку, и у Надежды сердце екнуло от неприятного предчувствия. Пробегала экскурсовод с озабоченным лицом, поговорила о чем-то с водителем, потом оба принялись терзать мобильные телефоны.

– Все, приехали... – сказал тот самый мужчина, что предрекал долгий ремонт шины, – автобусу кердык пришел...

Так и оказалось. Экскурсовод неестественно оживленным голосом сообщила в микрофон, что автобус не слушается руля и что ехать на такой машине небезопасно. Поэтому из города уже вызвали другой автобус, он скоро будет, а пока можно послушать лекцию о творчестве Александра Сергеевича Пушкина.

– Да пошла ты со своим Пушкиным! – заорал мужчина и отмахнулся от жены, дергавшей его за рукав. – Достала уже своими стихами!

Надежда прислушалась к себе и поняла, что полностью согласна с предыдущим оратором.

– Безобразие! – кричали пассажиры. – Когда еще этот автобус будет, у нас время пропадает... Такие деньги дерут за путевки и не в состоянии обеспечить нормальные условия!

«Нечего сказать, съездила отдохнуть, посетила Пушкинские Горы, – с горечью сказала самой себе Надежда, – когда я туда доберусь, самое время будет обратно уезжать... Получается, что повезло-то Милке... Сидит себе спокойно дома, собачку гладит...»

Тут кто-то тронул ее за рукав. Женщина в цветастом платье и соломенной шляпе с розовой лентой манила ее за собой и прижимала палец к губам, призывая помалкивать.

– Что случилось, Ника? – шепотом спросила Надежда, отойдя на приличное расстояние.

– Я Вика, – ответила та, – но это не важно. Тут появилась такая возможность...

– ...добраться до отеля своим ходом! – подсказала неслышно подошедшая Ника. – Вон тот автобус идет в Изборск. У них есть несколько мест...

– ...и если мы сбросимся и заплатим водителю, он довезет нас до развилки. А там уже близко... – вступила Вика.

– ...подсядем еще куда-нибудь... – закончила Ника.

– Ну, не знаю... – заколебалась Надежда, – как-то это все... А почему все втайне надо делать?

– Потому что мест мало! – пояснила Вика. – Все узнают и побегут! Соглашайтесь, Надежда Николаевна!

– Хоть в отель успеем вселиться! – присовокупила Ника.

И Надежда решилась. Пока остальные пассажиры скандалили с экскурсоводом, они незаметно вытащили свои сумки из автобуса и припустили за угол, где их дожидался автобус, везущий экскурсантов в старинный город Изборск.

Вика и Ника пристроились спереди, рядом с экскурсоводом, и всю дорогу с ним откровенно кокетничали. Надежда Николаевна скромно сидела сзади. Остальные пассажиры мирно подремывали, никто с ней не разговаривал.

От жары и всего пережитого Надежду тоже разморило, она клевала носом и очнулась с трудом. Автобус стоял на остановке, водитель торопил, Вика с Никой уже вышли.

Надежда едва успела подхватить свою сумку и буквально скатилась по ступенькам. Вокруг были бескрайние поля, над ними висело сонное марево. Ни машин, ни каких-либо строений не было видно.

– А Пушгоры-то далеко? – спросила она водителя, очумело вертя головой со сна.

– Вот по этой грунтовке километров пять до шоссе, а там еще с пятнадцать будет, – охотно ответил водитель и закрыл двери.

– Девочки, мы не погорячились? – опасливо спросила Надежда. – Как-то тут тихо, ни машин, ни людей...

– Да ладно, сейчас поймем какую-нибудь попутку! – бодрилась Ника, а Вика добавила ни к селу ни к городу: – Снявши голову по волосам не плачут!

Они проторчали на остановке минут сорок. За это время Надежда успела изучить расписание рейсовых автобусов, висевшее на столбе, и выяснила, что автобус будет только к вечеру. И то сомнительно, потому что расписание вполне могло быть прошлогодним. Мимо них за это время проехало машин пять, не считая трактора с пустым прицепом, благоухающим навозом. Надеждыны спутницы помрачнели, а сама Надежда едва сдерживалась, чтобы не проворчать: «Я же говорила...» или «И зачем только я вас послушала...»

– Может, пешком пойдем? – предложила она несмело. – Пять километров как-нибудь одолеем, а там шоссе оживленное.

– Еще чего! – огрызнулась Вика. – Я на каблуках с сумкой не попрусь по жаре!

А Ника добавила вовсе уж грубо:

– Вы уж помолчите!

Надежда отвернулась. И тут раздалась громкая музыка, и возле остановки остановилась большая красная машина. Водитель опустил стекло и спросил, пытаясь перекричать музыку:

– Девочки, вам куда?

Вика с Никой рванулись к машине и, перебивая друг друга, принялись пересказывать свои приключения.

– Хоть до шоссе довезите! – просили они.

– Довезем в лучшем виде! – Из машины вышел пассажир – здоровенный мужик в джинсовой рубашке с грубым лицом. Рубашка была расстегнута, так что виднелись волосатое загорелое пузо и огромный золотой крест на толстой цепочке.

Пузо вкупе с крестом доверия Надежде не внушали, но глупо было надеяться, что по такой тихой дороге именно в это время проедет, к примеру, профессор консерватории.

– Садитесь! – кивнул из машины водитель примерно такого же вида, что и пассажир, и Надежда взялась за сумку.

Но мужик с крестом окинул Надежду взглядом и сказал нагло:

– Только у нас всего два места сзади! – Хотя видно было, что в эту машину на заднее сиденье поместятся все четверо.

«Не прошла, значит, фейс-контроль! – усмехнулась Надежда. – И верно, на что я им?»

Она повернулась к подругам с извиняющейся улыбкой, но те и не думали сдаваться. Они мигом похватали свои вещички и бодро рванули к машине.

– Надежда Николаевна, – щебетала Вика, – вы какую-нибудь другую машину поймаете...

– Одной всегда легче подсесть! – вторила ей Ника.

При этом обе опустили козырек кепки и поля шляпы, так чтобы Надежда не смогла посмотреть им в глаза.

– Ну вы даёте! – только и смогла выговорить Надежда, но слова ее потонули в шуме мотора, да еще радио орало.

«Ну можно ли быть такой душой?» – вздохнула Надежда.

И правда, с чего она взяла, что эти две нахалки станут с ней считаться? С того, что она близкая подруга Милки? Но этих-то двоих она видит первый раз в жизни... Ну, за себя-то она была уверена, она-то бы в жизни не бросила даже незнакомого человека одного в пустынном месте. Очевидно, у двух подружек были иные представления о порядочности.

– Черт знает что! – сказала она громко.

Надежда была усталая, голодная и злилась на весь мир. Хотя на самом деле можно было злиться только на себя. Какого черта она согласилась на сомнительное предложение двух прохиндеек и подсела с ними в чужой автобус? Ждала бы, как все остальные пассажиры, на заправке. Долго, конечно, и скучно, но там хоть кофе выпить можно и опять же от коллектива не отрываться.

А что теперь? Одна на пустынной дороге, в незнакомом месте, в ожидании рейсового автобуса, который, может, и не ходит совсем. Спросить-то не у кого...

«Только не впадать в панику! – приказала себе Надежда. – Все же я не в тайге и не в тундре, сейчас лето, белые ночи. Да и до ночи еще далеко. Рано или поздно по дороге проедет какая-нибудь машина, кто-нибудь меня подвезет. Деньги у меня есть...»

И тут же перед глазами встали многочисленные статьи из газет и телерепортажи о том, как одинокие пассажирки садятся в попутные машины, а потом их больше никто и никогда не видит. И попавшаяся как-то ей на глаза информация, что в стране за год бесследно исчезают тридцать тысяч человек. Надежда Николаевна помотала головой и решила уповать на рейсовый автобус.

Через полчаса ожидания она была согласна на все – потрепанную «Газель», раздолбаный «Запорожец» и даже тот самый трактор с прицепом, распространяющим запах свежего навоза.

«Жду еще двадцать минут, – решила она, – если не будет машины, пойду пешком до шоссе. В конце концов, можно и по дороге голосовать, что я к этой лавочке прилипла...»

На дороге показался большой черный джип. Надежда тяжело вздохнула и отошла в глубь остановки. Такие машины не для нее, их хозяева, как правило, сродни тем двоим, которые подхватили Вику и Нику, интеллигентная женщина средних лет со следами высшего образования на лице не представляет для них ни малейшего интереса.

«Откровенно говоря, – ехидно подумала Надежда, – те две подружки тоже уже не первой молодости, и назвать девочками их можно только с большого перепоя. Ну, разве уж тут, в деревне, на безрыбье...»

Джип с налету проскочил мимо, проехал метров сто, затормозил и медленно задом поехал обратно.

«Сейчас выскочат из машины четверо мужиков и заташат в салон... – холодея, подумала Надежда Николаевна, – впрочем, для чего я им сдалась? Нет, вроде бы там водитель один... Ни за что не сяду в эту машину! А если он оружием пригрозит? Тут хоть оборись – никто не услышит... У, маньяк проклятый...»

Надежда переложила сумку в левую руку и приготовилась дорого продать свою жизнь.

Со стороны водителя опустилось окно, и мужской голос бросил:

– Садись уж!

– Да не поеду я! – буркнула Надежда и отвернулась.

– Да не валяй ты дурака! – сказал мужчина. – Садись в машину!

Несмотря на грубые слова, Надежде показалось, что мужчина улыбается. И голос был ей странно знаком...

Открылась дверь джипа, Надежда сощурилась, чтобы разглядеть против солнца...

– Сережка! – ахнула она. – Сережка Баруздин!

– Ну наконец-то соизволила! – рассмеялся он. – А то стоит тут как одинокая гармонь да еще отворачивается. Чем тебе мой джип не нравится? «Феррари» по этим дорогам все равно не пройдет!

Надежда подбежала и от полноты чувств едва не повисла на шее у вышедшего водителя. Перед ней бы Сережка Баруздин, то есть теперь, наверное, Сергей Степанович. Но Надежда-то знала его с незапамятных времен, с юных лет, когда молодой очкастый светловолосый парень пришел к ним в институт на практику. Защитил диплом, да так и остался. Они проработали рядом много лет, а потом Сергей уволился еще до всех этих перестроечных изменений.

– А я тебя сразу узнал! – похвастался Сергей. – Еду себе, смотрю – неужто Надежда стоит? И что ты в нашей глуши потеряла? Да ты садись, садись, по дороге расскажешь!

И Надежда поведала ему про свои неприятности, которые теперь, в удобной комфортабельной машине рядом со старым другом, казались просто смешными.

– Да уж, съездила по путевке, отдохнула по полной программе, – посмеивался Сергей, – что ж ты хочешь? Места тут у нас, конечно, чудесные, просто сказочные, но турфирмы – сплошной совок... Все точно как раньше было...

– А ты куда меня везешь? – спохватилась Надежда Николаевна, заметив, что они давно уже выехали на шоссе и проскочили указатель на Пушкинские Горы.

– Слушай, Надежда, – Сергей повернулся к ней, – зачем тебе эта гостиница, стадо туристов, у экскурсовода небось голос визгливый, как бензопила...

– Да нет, скрипучий, как дверь несмазанная, – рассмеялась Надежда, – но куда же мне деваться, раз уж согласилась на эту авантюру...

– Едем ко мне! – решительно отрубил Сергей. – У меня тут неподалеку дом большой, комфортабельный, места много, ты не помешаешь. Комнат много, а народу пока мало. С женой познакомлю, она будет рада новому человеку. У меня три дня выходных, завтра в заповедник съездим, по парку погуляем.

– Да неудобно... – застеснялась вдруг Надежда, – что это я без приглашения, как снег на голову, еще стесню...

– Ну уж стеснить-то ты точно нас не сможешь, – улыбнулся Сергей, – в таком доме и рота солдат потеряется. Строил в расчете на детей, – пояснил он, – да всю жизнь хотел большой дом иметь.

Надежда внимательно посмотрела на своего старого сослуживца. В молодости был он лохматый, немного нескладный, в очках. Теперь рядом с ней сидел солидный мужчина, интересный даже. Одет хорошо, подстрижен явно в дорогом салоне, крупные красивые руки уверенно лежат на руле. Даже очки куда-то делись, наверное, линзы вставил...

– Ты преуспеваешь, – констатировала Надежда.

– Вроде того, – хмыкнул Сергей, – у меня своя фирма. Дела идут неплохо, так что теперь могу позволить себе побольше отдыхать. Дом готов, мне он так нравится, что и вовсе бы не уезжал отсюда. Особенно летом... Алисе тоже тут хорошо, спокойно.

– Алисе? – переспросила Надежда. – А... Оля?

В голове само собой всплыло имя жены Сергея, кажется, она даже видела ее пару раз – не то на работе распространяли билеты в театр, не то Сергей брал как-то жену на День здоровья.

– Мы развелись. – Сергей отвернулся.

«Ну что ж, – думала Надежда, – он стал другим человеком, у него теперь другая жизнь, другая работа, новый дом и новая жена. Молодая небось...»

– А отчего же именно здесь решил дом построить? – спросила она, чтобы нарушить затянувшееся молчание.

– О, я эти места с детства знаю и люблю! – оживился Сергей. – У бабушки в деревне все каникулы проводил! Сказочные места, я здесь просто счастлив! Тебе тоже понравится, еще уезжать не захочешь!

Они свернули с шоссе на грунтовку, поля кончились, и вдоль дороги стояли сосны, стволы их золотились на солнце. Даже в машине было слышно, как пахнет нагретой корой.

– Уже скоро, – сказал Сергей, – сейчас повернем...

Дом Надежда увидела сразу – большой, из свежих желтых бревен. Он был такой высокий, что виден был через забор. Как потом оказалось, дом стоял на горке.

Забор был сплошной и тоже очень высокий. Сергей остановил машину перед воротами и нажал кнопку на пульте. С тихим гудением ворота плавно поползли вверх.

За воротами была обширная площадка, выложенная фигурной плиткой. По дорожке к машине уже поспешал немолодой, но крепкий мужчина, загорелый до черноты, в синем рабочем комбинезоне.

– С приездом, Сергей Степанович! А вы с гостями... – протянул он.

– Да, Павел, это моя старинная приятельница, работали много лет вместе.

– Здравствуйте! – улыбнулась Надежда.

Павел кивнул скупно и открыл багажник машины.

– У нас постоянной прислуги двое, – говорил Сергей, сопровождая Надежду к дому, – Павел и жена его, Марианна Васильевна. Павел с виду неприветливый, но руки золотые, и по дому что починить, и по саду. В машине мелкий ремонт тоже может. А уж жена его готовит – пальчики оближешь!

Дом стоял на возвышенности, к нему вела лестница с некрутыми ступеньками. Возле лестницы ярусами были высажены цветы. Надежда залюбовалась прекрасным видом и повернулась к Павлу – раз он садовник, то это, несомненно, его рук дело. Однако тот никак не ответил на ее восхищенный взгляд, и Надежда решила, что в этом доме у слуг не принято фамильярничать с гостями.

Дом и вблизи казался огромным. Двери были больше обычных раза в два с половиной – не двери, а портал в церкви.

Вдоль всего дома сбоку проходила открытая терраса, огороженная резными перилами, на которых висели ящики с разноцветной геранью. Возле крыльца на двух столбах подвешены были кашпо, в которых пышно цвела фуксия.

– Нравится? – улыбнулся Сергей, услышав восхищенный вздох своей гостьи.

– Красиво... – протянула Надежда и тут же подумала, сколько же сил и времени надо потратить, чтобы содержать в порядке такой дом и сад. Нет уж, завидовать она не станет...

В просторном холле никого не было. Если бы Надежда не была так измучена дорожными приключениями, она успела бы заметить легкую тень недовольства, набежавшую на лицо Сергея.

– Павел, проводи Надежду Николаевну в комнату для гостей, – сказал Сергей. – Увидимся за обедом!

И скрылся в глубине дома с криком: «Алиса, я приехал!»

Комната, куда привели Надежду, была большая и светлая, оформленная в зеленых тонах. На полу лежал ковер цвета пожухлой травы, окно было красиво задрапировано светло-зелеными занавесками, покрывало на кровати тоже было зеленым, и даже светильник был из зеленого стекла.

Надежда оглядела еще ванную, покрытую зеленой кафельной плиткой, посмотрела на себя в зеркало и ужаснулась. Вид был не слишком впечатляющий – волосы растрепаны, на лице пыль, под глазами синяки. Еще бы, встать в такую рань да еще столько вытерпеть за день!

Надежда с радостью обнаружила в ванной кучу всяких косметических средств и зелененький купальный халат.

После душа жизнь показалась легче. Надежда надела летний нарядный костюм и босоножки на каблучках, подкрасила губы и посмотрела на себя в зеркало. Несмотря на все проведенные мероприятия, вид в зеркале был бледноватый, и Надежда решила, что это от обилия зеленого цвета вокруг.

Костюм сидел неплохо и очень нравился ее мужу. По аналогии Надежда вспомнила, что нужно мужу сообщить о себе, а то он волнуется. Она выключила мобильник, чтобы он не разрядился в дороге, и теперь оказалось, что муж уже оборвал телефон.

– Надежда! – тут же послышался в трубке его недовольный голос. – Ну неужели так трудно было включить телефон?

– Ну забыла... – пробормотала Надежда.

– Все в порядке? Как доехала, я же волнуюсь...

– А ты не волнуйся! – вспылила Надежда. – Что со мной может случиться?

– Как условия? – Муж сбавил тон.

– Хорошие, – осторожно ответила Надежда, – все удобства...

– А кормят как? – не отставал муж.

– Еще не знаю, сейчас на обед иду! – честно ответила Надежда.

– Ну ладно, не буду мешать, отдыхай! – И муж отключился.

Надежда посмотрела немного на телефон, сама себе удивляясь. Отчего она не сказала мужу, что гостит у старого приятеля, сослуживца по работе? Но тогда пришлось бы живописать, как ее бросили одну на дороге. И разумеется, муж сказал бы, что во всем виновато Надеждино легкомыслие. Нет уж, сегодня ей и так досталось, сил не хватит на выволочку от мужа!

Надежда Николаевна вышла в коридор и огляделась.

Коридор был длинный, как в районной поликлинике. Правда, ни сам коридор, ни двери по его сторонам нисколько не напоминали поликлинику, а напоминали пятизвездочный отель в Майами.

Впрочем, Надежда никогда не бывала в Майами и никогда не останавливалась в пятизвездочных отелях, но примерно так представляла их по фильмам из жизни рядовых кинозвезд и миллионеров.

– Ну надо же! – проговорила она, оглядевшись. – Кто бы мог подумать, что такое бывает в Псковской области!

Хотелось бы написать, что ей ответило только эхо, но эха не было: все звуки поглощал мягкий темно-зеленый ковер с таким густым и длинным ворсом, что ноги тонули в нем чуть не по щиколотку. Очевидно, дизайнер, оформлявший этот дом, имел сильную тягу к зеленому цвету.

Надежда Николаевна могла еще долго предаваться наблюдениям и раздумьям, но ей нужно было найти столовую, поскольку время обеда уже подошло. Да и пустой желудок ненавязчиво напоминал, что неплохо бы уже съесть чего-нибудь горячего.

Спросить было не у кого, и она пошла направо.

Тут за спиной у нее послышались торопливые приближающиеся шаги.

Надежда оглянулась и увидела быстро идущую, почти бегущую женщину.

Женщина была очень стройная и, пожалуй, красивая, только какая-то жесткая, как будто состоящая из прямых углов. Это впечатление еще усиливал ее костюм – короткие шелковые брюки в черно-белых геометрических узорах и такая же блузка. Лицо ее покрывали пятна нервного румянца.

– Здравствуйте! – окликнула ее Надежда Николаевна. – Простите, не подскажете, где здесь столовая? Я, кажется, заблудилась...

Женщина бросила на нее раздраженный взгляд и прошипела:

– Ах, да отстаньте вы от меня с этой ерундой! Сколько можно, в конце концов... кажется, я уже говорила...

Она пронеслась мимо Надежды, как скаковая лошадь мимо замершей в волнении трибуны, и скрылась за одной из дверей.

Надежда Николаевна недоуменно пожала плечами и двинулась в прежнем направлении.

Резные дубовые двери были похожи одна на другую. Они были закрыты, и из-за них не доносилось ни звука. Наконец из-за следующей двери послышался какой-то странный стук. Дверь была приоткрыта, и Надежда Николаевна решила воспользоваться этим и узнать, где же находится столовая.

Она постучала в дверь костяшками пальцев.

– Сколько можно ждать! – донесся из комнаты сварливый старческий голос. – Я буду жаловаться Сергею!

Недоуменно пожав плечами, Надежда Николаевна открыла дверь пошире и заглянула в комнату.

Эта комната была похожа на ее собственную, только еще больше и не такая зеленая.

В глубине, возле окна, виднелся низкий кожаный диван, перед ним – стеклянный столик, на нем – ваза с фруктами.

Посреди комнаты стоял высокий худой старик в брюках, но без рубашки. В правой его руке была черная трость с серебряной рукоятью, которой старик раздраженно стучал в пол. Именно этот стук Надежда Николаевна слышала из коридора. Взглянув на Надежду, старик вскинул длинную костистую голову, как собравшийся клонуть петух, и проговорил раздраженным тоном:

– Сколько можно ждать! Вы думаете, милочка, что незаменимы? Да на ваше место очередь стоит! Огромная очередь! Стоит мне сказать Сергею, и вы будете на улице!..

– Но я... но я не... – попыталась вклиниться Надежда Николаевна, но старик ее не слушал, он продолжал:

– Где моя рубашка? Где моя чистая рубашка, я спрашиваю? Я опоздаю к обеду, а это недопустимо!.. Если вы думаете, что с одиноким старым человеком можно так обращаться, то поверьте, вас ждет разочарование! Серьезное разочарование!

– Но вы меня с кем-то путаете... – оправдывалась Надежда.

– Молчать! – рявкнул старик. – Не возражать! Не спорить! Ваше дело – молча выслушивать замечания и следить, чтобы такое больше не повторилось! Иначе в два счета вылетите на улицу! Где моя рубашка, я спрашиваю?

Надежда Николаевна поняла, что спорить со стариком бесполезно, легче подыграть ему. Тем более что она заметила на стуле справа от двери свежевыглаженную голубую рубашку. Она взяла ее и протянула старику.

– Давно бы так! – проговорил он удовлетворенно и добавил с совершенно другой интонацией: – Напомните мне, милочка, чтобы я сделал вам подарок к следующему Рождеству!

Поскольку до Рождества было еще очень далеко, Надежда Николаевна решила не спорить. Она воспользовалась изменением настроения собеседника и спросила:

– А где здесь столовая?

– Вы что – новенькая? – спросил тот удивленно. – То-то я смотрю, что ваше лицо показалось мне незнакомым!

– Так все же – где столовая?

– Выйдите! – воскликнул старик раздраженно, путаясь в пуговицах. – Вы же видите – я не одет!

Надежда Николаевна снова недоуменно пожала плечами и вышла в коридор. Кажется, этот дом полон каких-то чудаков...

Она прошла еще немного и наконец оказалась на широкой лестничной площадке, откуда двойная полукруглая лестница вела на первый этаж.

Надежда спустилась по этой лестнице и тут же увидела распахнутые двери, из-за которых доносились голоса и звяканье вилок.

Она вздохнула с облегчением и вошла.

Это, несомненно, была столовая.

На этот раз Надежде вспомнился не отель во Флориде, а замок какого-нибудь английского лорда.

Разумеется, в английском замке ей тоже не приходилось бывать, все ее впечатления основывались исключительно на фильмах из английской жизни. Фильмы были по большей части детективные.

Итак, как в английском замке, столовая была огромная, стены ее покрывали деревянные панели (кажется, это называют мореным дубом), посередине столовой стоял огромный стол, накрытый белоснежной крахмальной скатертью, которой вполне можно было бы застелить летное поле небольшого аэродрома.

На этом крахмальном поле были расставлены тарелки из старинного бело-голубого фарфора и разложены серебряные приборы. Еще, разумеется, имелись вазы с цветами. Цветы, впрочем, были самые обыкновенные – не орхидеи, а ирисы и пионы разных оттенков.

Благодаря этим цветам и еще кое-каким отличиям комната, куда попала Надежда Николаевна, была все же похожа не на настоящую английскую столовую, а как бы на ее перевод, выполненный не очень аккуратным переводчиком.

Пожалуй, что особенно заметно отличало эту столовую от английского оригинала – это удивительно малое количество людей за столом.

Людей было всего трое.

Во главе стола сидел сам хозяин, Сергей Баруздин. Место справа от него занимала та самая нервная и угловатая женщина, с которой Надежда столкнулась в коридоре.

Впрочем, теперь она не казалась ни нервной, ни угловатой. Пятен неровного румянца на лице не было, оно приобрело мягкий персиковый оттенок (наверняка тональный крем, подумала Надежда), а вместо черно-белого шелкового костюма на ней было простое зеленое платье с квадратным вырезом.

– Познакомься, Надя, – проговорил Сергей, может быть, слишком жизнерадостным тоном, – это моя жена, Алиса. Алиса, это Надя Лебедева, мы когда-то вместе работали.

– Ах, уже Надя? – процедила хозяйка и пристально взглянула на Надежду. Видимо, то, что она увидела, несколько успокоило ее, и она добавила чуть мягче: – Очень приятно.

– А это Олег, он архитектор, дизайнер и прораб в одном лице, – представил хозяин третьего человека, сидевшего за столом, загорелого мужчину лет тридцати пяти, с коротко стриженными светлыми волосами и тяжелым подбородком. – Это он выстроил дом, в котором мы сейчас находимся...

– Разве этот дом еще не достроен? – искренне удивилась Надежда Николаевна.

– Ну, понимаешь, Надя, – пустился Сергей в объяснения, – в большом доме всегда найдутся какие-то недоделки, что-то, что нужно переделать или закончить. Вот этими недоделками Олег и занимается... ну, и еще кое-какими делами...

Алиса внезапно уронила нож. Лицо ее едва заметно дернулось, и Надежде показалось, что красные пятна проступают через тональный крем. Алиса закашлялась, налила в бокал воды из хрустального кувшина и торопливо отпила.

У Надежды мелькнула какая-то неясная мысль, но додумать ее до конца она не успела, потому что дверь столовой с грохотом открылась, и в комнату в инвалидном кресле въехал давешний капризный старик – тот самый, который распекал Надежду за нерасторопность.

Надежда удивленно взглянула на инвалидное кресло, но ничего не сказала.

Не успев доехать до стола, старик проговорил недовольным тоном:

– Сережа, ты очень распустил обслуживающий персонал! Эта новая горничная, которую ты нанял, ведет себя совершенно недопустимым образом! Она воображает, что...

– Какая новая горничная? – удивленно переспросил Сергей. – В последнее время я никого не нанимал, Марианна Васильевна вполне справляется... Кстати, дядя Петя, познакомься – это Надежда Лебедева, моя старинная знакомая... Надя, а этот склочный господин с замашками старого барина – мой дядя Петр Афанасьевич, всю жизнь, между прочим, проработавший поваром в известном ресторане.

Петр Афанасьевич взглянул на Надежду и смущенно закашлялся.

– Что-то сегодня все кашляют, – усмехнулась Надежда Николаевна. – Уж не докатилась ли до этих благословенных мест эпидемия новомодного гриппа?

– Типун тебе на язык! – в притворном ужасе воскликнул Сергей. – Тем более летом гриппа, кажется, не бывает... Марианна Васильевна, можно подавать!

Последние слова он бросил куда-то за спину, и тотчас из неприметной двери в глубине столовой показалась невысокая кругленькая женщина средних лет в белом переднике, катя перед собой сервировочный столик, уставленный всевозможными кушаньями.

Обед был выше всяческих похвал, хотя Надежда так проголодалась, что удовлетворилась бы тарелкой вареной картошки или пустой гречневой каши.

На первое Марианна Васильевна подала суп-пюре из цветной капусты, который назывался красивым словом «крем-дюбарри». Суп был такой вкусный, что Надежда сделала над собой усилие, чтобы не выхлебать всю тарелку мгновенно и не подобрать корочкой остатки. Затем настал черед основного блюда.

– Рыбу или мясо? – тихонько спросила Марианна Васильевна, наклонившись к Надежде.

Надежда выбрала рыбу, и ей принесли большой кусок форели, жаренной на гриле и дивно пахнущей ароматными травами. Перед мужчинами положили куски мяса, которые еле помещались на тарелке. Алиса от второго блюда отказалась, она и суп-то ела нехотя и больше крошила сухарики, глядя невидящими глазами мимо всех. Еще экономка поставила на стол огромное блюдо зеленого салата, красиво декорированного кружочками помидоров и огурцов.

Несмотря на малое количество сотрапезников, общего разговора за столом не получалось. Хозяин внимательно прислушивался к словам прораба, тот бормотал что-то настолько тихо, что Надежда едва могла понять. Разговор шел о каких-то строительных делах, и это было странно – вроде бы делами мужчины занимаются в кабинете, раскладывая перед собой чертежи и сметы. Алиса, как уже говорилось, молчала, причем, как казалось Надежде, делала это демонстративно. Петр Афанасьевич поглощал мясо с такой легкостью и аппетитом, как будто ему было не восемьдесят лет, а чуть больше двадцати.

Надежда ожидала общей беседы и мысленно подбирала осторожные и деликатные слова, чтобы ненароком не задеть никого из этих странных обитателей дома.

Вот именно, они все казались ей какими-то странными, ненастоящими. Вся комната вместе с обстановкой выглядела театральной декорацией, а люди за столом – не слишком хорошими актерами.

Надежда с Сергеем схватились одновременно за лопаточку для салата. Показалось ей или нет, что в глазах ее старого приятеля зреет серьезное беспокойство?

Теперь он мало напоминал того уверенного в себе, преуспевающего богатого человека, что посадил ее в свою дорогую машину. Стали видны морщины вокруг крыльев носа и усталый взгляд.

«Что-то тут неладно у них... – подумала Надежда, – знала бы, что все у него в доме не просто, ни за что не поехала бы. Впрочем, разве у меня был выбор?»

Надежда решила, что раз все молчат, то она тоже не станет лезть с разговорами. В самом деле, ее привезли сюда случайно, подобрали, можно сказать, на дороге, ее номер шестнадцатый.

После рыбы, которую Надежда запила бокалом отличного белого вина, она совершенно осоловела от сытости.

– Мороженое или крем-брюле? – снова наклонилась к ней Марианна Васильевна, и Надежда недоуменно подняла брови – вроде бы крем-брюле тоже мороженое.

– Соглашайтесь на крем-брюле, – посоветовал Петр Афанасьевич, – я сам научил Марианну готовить его с карамелью.

Надежда мысленно пожала плечами и подумала, что было бы, если бы этот дом принадлежал ей. Как сидели бы они с мужем в этой огромной столовой и перекрикивались через стол... Тоска какая!

Нет уж, если строить большой дом, то нужно, чтобы он был полон детей и животных. Что-то Сергей говорил о детях, что он и дом-то такой построил в расчете на детей.

«Не поздновато ли? – задумалась Надежда Николаевна. – Конечно, он меня помоложе, но всего лет на пять-шесть, не больше. А жене-то уж тридцать точно есть. Что ж, она еще молодая, вполне может ему родить наследника... Кстати, если детей у них пока нет, то отчего животных не завели? В таком домине можно не одну, а трех собак завести. И охрана не помешает».

И как бы в ответ ее мыслям кто-то мягко тронул Надежду лапой за ногу.

– Ой! – Она наклонилась и увидела вроде бы кошку. Серую, очень худую и длинную и абсолютно голую, без шерсти.

– Дзэинька! – слегка оживилась Алиса. – Иди скорее к мамочке!

Она выудила из-под стола длинное узкое тельце и обернула вокруг шеи, словно горжетку. Только без меха. Кошка держалась спокойно, видно, такое было ей не впервой. Алиса отщипнула кусочек мяса с тарелки мужа и сунула в рот кошке. Та приняла угощение сдержанно, без должного воодушевления.

Теперь уже Надежда точно заметила в глазах хозяина дома признаки недовольства.

– Не корми ее со стола! – буркнул он. – На это есть специальное время и место!

В ответ Алиса посмотрела на него таким взглядом, что Надежда поежилась. Ох, неладно что-то между супругами! Впрочем, это совершенно не ее дело. Ее дело – сидеть тихо и делать вид, что она всем довольна. И так три дня, пока Сергей не соберется в город. Потому что самостоятельно она из этой глуши не выберется. Вот сваяла-то она дурака, когда согласилась на его приглашение. Никто ей здесь не рад, никто не собирается ее развлекать. Впрочем, тут же опомнилась Надежда, у нее действительно не было выбора. Так что нужно быть благодарной Сергею и судьбе за то, что не бросили ее на пустынной дороге.

Напряжение за столом несколько разрядилось с приходом Марианны Васильевны. Она расставила перед всеми серебряные креманки, заполненные густой кремово-желтой субстанцией, затем зажгла длинную каминную спичку и... Надежда не поверила своим глазам. От каждой креманки взвилось едва ли не к потолку неяркое сизое пламя. А когда пламя погасло, то желтый крем оказался покрыт коричневой карамельной корочкой.

Надежда положила в рот ложку крема и зажмурилась от удовольствия. Удивительно вкусно! Будем надеяться, что за три дня она не успеет привыкнуть к такой роскоши.

После десерта подали еще сыр, от которого Надежда с сожалением отказалась, как и от портвейна, коньяка и ликера, выпила только маленькую чашечку черного кофе.

Вика Топтунова и Ника Моргунова дружили много лет. Не то чтобы они очень любили друг друга, не то чтобы очень привязались друг к другу, просто характеры у подруг были настолько похожи, что понимали они друг друга буквально с полуслова и редко ссорились.

Подруги любили развлекаться, любили шумные многолюдные компании, смех и веселье, любили незатейливые шутки и бородастые анекдоты, громкую музыку, танцы до упада и коктейль под названием «Секс на пляже».

Что касается секса настоящего, а не той приторной сладенькой бурды, что подают в барах на морском берегу, то секс подружки тоже любили легкий, веселый и необременительный. Ну, познакомиться на курорте, провести приятный вечерок в ресторане, погулять по морскому берегу при луне и закончить свидание коротким тесным общением в гостиничном номере.

Вике и Нике повезло: ни разу дружба их не подвергалась проверке ревностью. Ни разу не понравился им одновременно один и тот же мужчина, ни разу не вцеплялись они друг другу в волосы, обзывая друг друга непотребными словами и желая подруге немедленно облысеть и опаршиветь. Откровенно говоря, подружки были довольно заурядны – ни умные, ни красивые, ни «крутые мужики», как выражались Ника и Вика, не слишком баловали их своим вниманием. А прибывало к их берегу всяких несерьезных личностей, за таких и бороться-то не хотелось.

Вика и Ника не слишком огорчались, как уже говорилось, были они девушки веселые и активные, любили развлекаться.

Если сидеть у окна, как царевна Несмеяна, и ждать, пока в твой терем явится королевич неземной красоты, то раньше времени от тоски состаришься.

Время шло, годы прибавлялись, сначала потихоньку, потом все быстрее и быстрее, как скатывающиеся с горы санки, но подружки этого не замечали. Ведь они были вдвоем, встречались каждый день и не замечали накапливающихся перемен.

Они не понимали, что молодость ускользает бесповоротно, они старались задержать ее повадками молоденьких девочек и яркой, пестрой одеждой.

Эту поездку Вика и Ника твердо настроились провести весело. Гостиницу обещали очень приличную, наверняка там есть бар и все такое прочее.

Немного разочаровал подружек состав группы – сплошь семейные пары да занудные интеллигентные старушенции. Поэтому, когда случилась накладка с автобусом, Вика и Ника в глубине души даже обрадовались. Дух авантюризма, присущий подружкам, поднял голову

и оживился. Появилась возможность испытать приключение. А где приключение – там и развлечение. Новые встречи, новые знакомства, новые впечатления.

Тетку, которую навязала им Людмила Ивановна, они прихватили с собой просто так, из вежливости. Людмила Ивановна была у них на работе хоть небольшим, да начальством, с ней следовало считаться.

Они очень ловко подсели в чужой автобус, пофлиртовали немного с экскурсоводом, их доездили до поворота, затем автобус повернул на Изборск, а три дамы надолго застряли на остановке. И вот по прошествии часа, когда Вика и Ника готовы были уже выть от бессильной злости, судьба послала им шикарный случай поразвлечься.

– Два крутых перца на шикарной тачке! – прошептала Вика на ухо подружке, а Ника по привычке закончила:

– Ни в коем случае нельзя их упустить!

Но мужики и сами явно были не против, их не пришлось долго упрашивать. Они мигом сообразили, что третья тетя будет в их компании явно лишней, и отшили ее быстро и качественно, Вика с Никой и мигнуть не успели. Ну и ладно, доберется Надежда до гостиницы на автобусе, у подружек еще будет случай ее задобрить, чтобы не нажаловалась Людмиле Ивановне.

Вика и Ника с комфортом уселись на заднем сиденье. В машине было прохладно, пахло земляничным освежителем, играла музыка.

– Костя, – представился пассажир, рассматривая подружек, – а вот он – Виктор.

Водитель дернул головой, изображая приветствие.

– Очень приятно, – сказала Вика.

– Рады знакомству, – прибавила Ника и стала подпевать и раскачиваться в такт музыке.

– Мальчики, а куда мы едем? – спросила Вика, когда за окном джипа промелькнула какая-то неказистая деревенька.

– Нам же, кажется, нужно было свернуть направо... – подхватила ее фразу Ника.

– Чего? – перекрикивая громкую музыку, спросил, повернувшись к ним, пузатый пассажир, представившийся им Константином. – А, направо? Да мы сейчас в одно местечко заедем, тут неподалеку, перекусим, посидим... не переживайте, девчонки, все будет тип-топ!

«Девчонки» переглянулись. Вика прищурилась, а Ника, поправив шляпу, проговорила, притворно вздохнув:

– Все лучше, чем на остановке торчать...

– ...на такой жаре! – завершила Вика.

На самом деле обе были вполне довольны, предвкушая хороший обед, выпивку и легкий флирт за этим самым обедом.

Пузатый Константин не обманул: не прошло и десяти минут, как машина затормозила возле приземистого бревенчатого здания, над входом в которое красовалась залихватская вывеска «Трактирь».

Твердый знак в названии заведения должен был символизировать преемственность поколений и верность традициям.

– Вот, очень приличное местечко! – соловьем разливался Константин, помогая подругам выбраться из машины. – И готовят здесь классно! Повар – настоящий спец! Посидим, перекусим, а потом отвезем вас в эту вашу гостиницу.

– Ну хорошо, мальчики, только... – начала Ника.

– ...совсем недолго! – закончила Вика.

– Само собой, недолго! – заверил их Константин. – Мы люди занятые, нам время самим дорого!

Он подхватил подруг под руки и повлек их к трактиру.

Молчаливый водитель по имени Виктор шел следом с пухлой кожаной сумкой в руке.

Вика покосилась на джип: там остались их дорожные сумки.

– Не волнуйтесь, девочки! – Константин перехватил ее взгляд и правильно его истолковал. – Ничего с вашими вещичками не случится: к нашему джипузеру ни одна собака не осмелится подойти!

– А что же тогда Виктор... – начала Вика.

– ...свою сумку не оставил? – продолжила Ника.

– А это не сумка! – хохотнул Константин и заговорщицки понизил голос: – Это портмоне с деньгами! Кошелек, по-простому!

Подруги недоверчиво переглянулись.

– Нет уж! – решительно сказала Вика. – Мы тогда тоже сумки свои возьмем!

– Чтоб под рукой были! – поддакнула Ника, подруги, как всегда, понимали друг друга с полуслова.

– А пожалуйста! – легко согласился Константин. – Дело ваше!

На пороге трактира их встретил официант, молодой парень в вышитой рубаше, с прилизанными темными волосами. Низко кланяясь, он проводил гостей к столу в глубине полутемного помещения, раздал меню, отпечатанные на поддельной бересте, и осведомился, чего они выпьют в качестве аперитива.

– Не стесняйтесь, девчонки! – поощрил подруг Константин.

Водитель, оглядевшись по сторонам, положил на свободный стул свою сумку.

– Мне мартини!.. – жеманно протянула Ника. – Только...

– ...только очень сухое, и обязательно с маслинкой! – закончила за нее подруга.

– А нам по-простому – пивка холодненького, – распорядился Константин. – «Гиннесс», само собой!

Теперь, когда сумки были при них и ничто не предвещало никаких неприятных неожиданностей, подруги с интересом оглядели заведение.

Бревенчатые стены были украшены прялками, расписными дугами, тележными колесами и прочими аксессуарами традиционного русского быта. Столы были из простых досок, на некоторых стояли блестящие медные самовары, вместо стульев – грубые деревянные лавки. Правда, освещали зал не лучины в деревянных поставцах, а хитро спрятанные электрические бра.

Ника просмотрела меню.

В нем были и какие-то блюда с намеком на ту же верность народным традициям – свинина по-монастырски, жаркое крестьянское с белыми грибами и картошкой, запеканка купеческая с базиликом и эстрагоном, но были и современные кулинарные изыски – карпаччо из чилийского сибаса, филе рыбы дорадо с гренками из поленты, морские гребешки под соусом нисуаз.

Подруги не стали мудрствовать лукаво и выбрали два самых дорогих блюда в меню.

Не успели они сделать заказ, как Виктор к чему-то прислушался и настороженно переглянулся со своим напарником.

– Ой, девочки, никак сигнализация у машины сработала! – всполошился Константин, поднимаясь из-за стола. – Мы сейчас, быстренько!..

Оба «мальчика» выскочили из ресторана.

Ника задумчиво посмотрела им вслед.

– Не нравится мне это! – проговорила она. – Как бы не пришлось нам обед оплачивать... Ты слышала сигнализацию?

– Я – нет, – призналась Вика. – Но он же...

– Сумку свою оставил! – закончила ее подруга, удовлетворенно вздохнув.

– Ну, тогда ничего...

Как раз в это время официант принес их заказ.

Вике досталось блюдо из лобстера с кубиками манго и мелко нарубленной зеленью, Нике же принесли на тарелке какое-то зеленоватое пюре с неаппетитными коричневыми вкраплениями.

– Что это? – разочарованно протянула она, поковыряв вилкой содержимое тарелки.

– Шедевр нашего шеф-повара! – восхищенно сообщил официант. – Пюре из корня сельдерея со слайсами из артишоков и цукини под соусом из сыра бри и базилика!

– Похоже, подружка, ты пролетела с этим пюре! – проговорила Вика, уписывая своего лобстера за обе щеки.

Официант удалился.

Ника попробовала пюре и поморщилась:

– Редкостная гадость!

– Хорошо хоть, не за свои деньги! – усмехнулась Вика.

Ника взглянула на окно и неодобрительно проговорила:

– А мальчиков-то все нету!

– Действительно, – отозвалась Вика с полным ртом. – Разве можно так пренебрежительно относиться к дамам? Ну хочешь, я тебе дам кусочек лобстера?

За окном раздался шум отъезжающего автомобиля.

– Ты слышала? – насторожилась Вика. – Мне показалось...

– ...что это машина наших мальчиков! – закончила фразу Ника.

Подруги взглянули на соседний стул.

Кожаная сумка лежала на прежнем месте.

В этот момент дверь ресторана распахнулась, и в зал вошел очень подозрительный тип.

Он был долговязый, мрачный, с трехдневной щетиной на подбородке и маленькими злобными глазками. Еще у него, для усиления эффекта, был кривой волчий оскал.

Оглядевшись по сторонам, незнакомец направился напрямик к подругам. Остановившись возле их стола, он, ни слова не говоря, потянулся к сумке Виктора.

– Эй, молодой человек! – обратилась к нему Вика. – Вы что...

– ...себе позволяете? – продолжила Ника. – Это сумка...

– ...не ваша!

– Знаю я, чья это сумка! – сквозь зубы ответил незнакомец, настороженно огляделся по сторонам и вскинул сумку на плечо.

– Да что же это творится! – всполошилась Вика. – Официант! Сделайте же что-нибудь!

Официант, однако, как сквозь землю провалился, и все помещение ресторана опустело, как будто его персонал неожиданно в полном составе отправился в коллективный отпуск.

– Заткнись! – рявкнул на Вику незнакомец и шагнул к двери.

– Караул! – взвизгнула Ника, бросившись наперерез похитителю. – Кто-нибудь! Помогите! Грабят!

– Уймись, суки! – Незнакомец отбросил Нику и попытался обойти Вику, но тут из разных дверей высыпали крепкие мужчины в черной униформе с нашивками «ОМОН».

– Всем стоять! Руки за голову! – выкрикнул старший.

– Как вы вовремя! – радостно воскликнула Вика и попыталась броситься на шею рослому омовцу.

– Вам сказали – руки за голову! – выкрикнул тот, передернув затвор автомата. – Стоять на месте, иначе стреляю на поражение!

Долговязый незнакомец попытался проскочить к окну, но там его уже встречали двое. Тогда он бросил сумку, поднял руки и заголосил:

– Не мое это! Это вот этих дамочек! Я вижу – сумка лежит бесхозная, вот и хотел прихватить, а это не мое!

– Разберемся! – отрезал старший группы захвата.

Незнакомцу надели наручники, Вике и Нике, несмотря на их бурное возмущение, – тоже. Главный омоновец поднял сумку, поставил ее на скамью и резко дернул молнию.

Сумка раскрылась, как беззубый рот, и все присутствующие увидели пластиковые пакеты, плотно набитые белым порошком.

– Интересно! – удовлетворенно произнес старший.

– Говорю – не мое это! – верещал долговязый тип. – Это вот их, а я тут совсем не при делах!

– Неужели вы... – начала Вика, изумленно глядя на содержимое сумки.

– ...верите этому ужасному человеку? – закончила ее подруга.

– Я никому не верю! – отрезал омоновец. – Только собственным глазам, и то не на сто процентов, а только на девяносто два!

С этими словами он достал из поясного чехла широкий нож с черной рукояткой, вспорол один из пакетов и подцепил на кончик ножа немножко белого порошка. Попробовав порошок на язык, он сосредоточенно пожевал. При этом на лице его появилось какое-то странное выражение.

– Огурцов! – обратился он к одному из своих подчиненных. – Ну-ка попробуй, а то у меня зародились какие-то сомнения.

Коренастый омоновец подошел, загребая кривыми ногами, и взял на язык щепотку белого порошка.

Немного пожевав, он произнес хорошо поставленным голосом:

– Мука «Предпортовая», высший сорт, тонкий помол, артикул сорок пять восемьдесят...

– Вот и мне показалось, что высший сорт! – разочарованно протянул старший группы.

– Вот гад Корявый! – процедил сквозь зубы долговязый тип. – Кинуть меня хотел! – Тут же он спохватился и заговорил совсем другим тоном: – Так что – значит, мне можно идти? У вас ко мне никакого больше дела нету? Так я, значит, пойду, меня дома мама ждет, старушка!..

– Никуда ты не пойдешь, Костлявый! – отрезал старший группы. – Мы тебя задержим до выяснения обстоятельств.

– А мы... – воскликнула Ника.

– ...можем идти?... – подхватила Вика.

– Никто никуда не пойдет! – рявкнул омоновец. – Все сейчас поедут с нами! Будем разбираться, кто здесь чем занимался!

После обеда Сергей, в лучших традициях фильма из английской жизни, удалился в свой кабинет. Он пробормотал что-то о бумагах, которые собирается просмотреть, но Надежда подозревала, что он просто хочет вздремнуть.

Ей и самой хотелось поспать, однако она с негодованием отвергла эту мысль как совершенно неприемлемую, ибо после такого обеда позволить себе лечь на диван может только безрассудная женщина – можно прибавить в весе больше килограмма!

Так что она решила познакомиться поближе с именем старого знакомого и, как всякая женщина, начала это знакомство с сада.

Сад произвел на Надежду Николаевну самое благоприятное впечатление. Впрочем, это был даже не сад, а самый настоящий парк.

Кусты парковых роз самых разнообразных цветов и оттенков выстроились вдоль дорожек, как почетный караул. Некоторые плетистые растения обвивали ажурные арки, через равные промежутки перекинутые над дорожками. По самому краю дорожек были высажены узкие полосы низкорослых цветов контрастного оттенка, так называемые миксбордеры. Тут и там были разбросаны цветники и клумбы, составленные по новой европейской моде из

цветов совершенно на первый взгляд несочетаемых расцветок. В тенистых уголках сада прятались романтические ирисы и синие свечи дельфиниума.

Все растения в этом саду были ухоженные и довольные жизнью, чувствовалось, что за ними тщательно и умело присматривает настоящий знаток и любитель садового искусства. И как это всегда бывает, цветы отвечали на уход и заботу, радуя посетителей сада своей тонкой и разнообразной красотой. Надежда хотела бы встретить здесь садовника Павла, чтобы выразить ему свое восхищение: как многолетняя дачевладелица и садовод-любитель, она знала, сколько труда нужно вложить в сад, чтобы получить такую красоту, но поляны и дорожки были пусты, ничто не нарушало покоя сонного сада.

Надежда подошла к густому кусту пунцово-красных роз и наклонилась, чтобы понюхать цветы.

Розы совершенно не пахли.

«И почему это так устроено в природе, – разочарованно подумала Надежда Николаевна, – самые красивые растения обычно лишены аромата, а какой-нибудь невзрачный цветочек обладает чудесным запахом... впрочем, с людьми случается то же самое».

Она раздвинула розовый куст, чтобы посмотреть, что скрывается за ним, и невольно замерла.

На укромной лужайке, скрытой кустами от посторонних глаз, стояли двое, мужчина и женщина.

Это были Алиса, жена Сергея, и Олег, которого Баруздин представил как архитектора, дизайнера и прораба в одном флаконе... то есть в одном лице.

Они о чем-то вполголоса разговаривали.

Слов Надежда Николаевна не слышала, но позы собеседников, выражения их лиц и жесты говорили о многом.

Между этими двумя людьми словно были натянуты невидимые нити, их соединяли невидимые, но прочные связи.

Алиса как будто продолжала каждый жест Олега, как бы неосознанно отражала его движения, словно живое зеркало. Чувствовалось, что между ними существует давнее и полное взаимопонимание. Алиса не сводила с него глаз, казалось, она черпает во взгляде Олега что-то очень важное, необходимое. Казалось, еще немного – и она просто растворится во взгляде стоящего напротив мужчины.

«Вот оно как!» – подумала Надежда с грустью и невольно пожалела Сергея Баруздина.

Впрочем, ее это ни в какой мере не касается. Только очень глупые и самонадеянные люди вмешиваются в чужую жизнь, и ни к чему хорошему это не приводит.

«Сам виноват! – с досадой подумала она. – Загнал молодую женщину в такую глушь, где у нее ни подруг, ни знакомых, да еще поселил рядом с ней молодого красивого мужчину! А сам уезжает часто в город... Конечно, может, он ей доверяет... Но не до такой же степени. Зачем нарочно человека провоцировать, гусей дразнить...»

Алиса вздрогнула, словно почувствовав на себе взгляд Надежды Николаевны, и повернулась. Но прежде чем она закончила это движение, Надежда вынырнула из куста роз, и ветки, сомкнувшись, отгородили ее от невольно подсмотренной сцены.

Надежда продолжила ознакомление с садом, но уже без прежнего радостного чувства. На дне ее души остался неприятный осадок. Больше ее не радовали цветущие кусты и блаженствующие на позднем солнышке клумбы. Наконец, не выдержав такого душевного раздвоения, она покинула сад и направилась к дому.

Немного не доходя до крыльца, она увидела Петра Афанасьевича.

Старик сидел в инвалидном кресле на колесах и мрачно смотрел перед собой.

– А, это вы! – сухо проговорил он, заметив Надежду. – Пользуясь нашей встречей наедине, прошу простить! Кажется, я погорячился, приняв вас за прислугу. А жаль!

– Почему это? – обиженно поинтересовалась Надежда Николаевна. – Вы считаете, что на роль прислуги я подхожу лучше, чем на роль гостьи?

– Вовсе нет, – хмыкнул старик. – Просто, если бы вы были прислугой, я сейчас попросил бы вас покатасть меня по саду. Сейчас самая пора цветения роз...

– Странно, только недавно вы вполне благополучно передвигались на собственных ногах!

– А вы не болтливы. – Петр Афанасьевич усмехнулся. – Спасибо вам за это. Я не хочу, чтобы Сергей знал, что я могу ходить.

– Хотя я и не прислуга, но так и быть, могу вас немного покатасть, – смиловилась Надежда. – Заодно сама еще раз взгляну на розы. А вы в качестве платы за мое молчание и за услуги расскажете об обитателях этого дома.

– Так и знал, что вы потребуете плату за молчание! – Старик притворно вздохнул. – Ладно, я нахожусь в совершенно безвыходном положении и вынужден принять ваши условия! – И он театральным жестом поднял крупные руки.

Надежда взялась за спинку кресла и покатила его по усыпанной гравием дорожке.

– Итак... – напонила она.

– Думаю, про Сергея вы и без меня знаете достаточно, – начал Петр Афанасьевич. – Так что начну с Алисы. Ну, ничего особенного в ней нет – обычная охотница за деньгами, для которой главным мужским достоинством является размер банковского счета.

– Уж очень нелестного вы о ней мнения... – подначила Надежда, – все же ваш племянник выбрал ее в жены, стало быть, разглядел в ней какие-то достоинства...

– Да какие уж там достоинства, – с досадой вздохнул старик, – она моложе его на четырнадцать лет, вот и все достоинства. А в остальном – обычная молодая капризная бабенка, ни красоты особой, ни ума. Делать ничего не умеет, прыгает от одного мужа к другому. Сейчас они все так делают...

– Так у нее Сергей не первый муж? – удивилась Надежда. – Ну надо же, как много люди успевают...

– Думаю, что и не последний, – Петр Афанасьевич саркастически улыбнулся, – рыба ищет где глубже, а такие стервы – где лучше. Характер у нее отвратительный, нервная очень...

– Ну, насчет Алисы я и сама разобралась, – прервала старика Надежда Николаевна, – а вот расскажите-ка мне про этого прораба...

– Ага, вы уже успели заметить! – Петр Афанасьевич хмыкнул. – Впрочем, только слепой этого не заметит... только такой слепой, как Сергей!

– Кажется, здесь его все обманывают, кто как может! – Надежда выразительно постучала по спинке кресла.

– Ну, одно дело – невинные стариковские капризы, – пробурчал Петр Афанасьевич, – и совсем другое дело... Надеюсь, вы не собираетесь сообщать ему все, что успели увидеть?

– А что я видела? – прищурилась Надежда. – Ровным счетом ничего. А уж выводы свои точно буду держать при себе, я ведь Алисе не свекровь. Но вот отчего же вы не хотите раскрыть глаза любимому племяннику на поведение его жены? Наверняка уж вы-то успели заметить предостаточно и сможете предъявить ему неопровержимые доказательства!

– Вы шутите? – вскинулся старик. – Они все равно помирятся, а меня выбросят из этого дома в течение часа! И куда прикажете деваться? В богадельню? Я одинок, Сергей – мой единственный родственник, хоть поживу на старости лет в холе и комфорте!

После обильного ужина, который Надежда съела с трудом, она поднялась на второй этаж и направилась в свою комнату: день сегодня выдался долгий и утомительный, и она решила лечь пораньше.

Однако она не успела осуществить свое благоразумное намерение: проходя мимо полуоткрытого окна, выходящего на круглую площадку перед входом в особняк, она услышала какой-то шум и громкие, раздраженные голоса.

Надежда подошла к окну и выглянула в него.

Перед домом стоял долговязый небритый мужик в разорванной на груди тельняшке, с впечатляющим синяком под глазом. Размахивая длинными руками, как крыльями ветряной мельницы, он орал хриплым истеричным голосом:

– Жируешь, гад?! Пьешь народную кровь?! Ну погоди, я до тебя еще доберусь! Ответишь ты мне за мое родовое гнездо! Вспомнишь ты еще Игната Сапрыкина!

Рядом с буйном появился прораб Олег. Он подскочил к крикуну, ухватил его за ворот тельняшки и потащил прочь от крыльца, что-то ему негромко втолковывая. Тот вырывался и орал:

– И нечего мне рот затыкать! Я правду говорю, как я есть пострадавшая через тебя сторона! И это вам всем так не пройдет!

В коридоре рядом с Надеждой раздались негромкие шаги. Она оглянулась и увидела домоправительницу.

– Что это за скандалист? – спросила Надежда.

– Окно надо закрыть, а то комары налетят! – проговорила Марианна Васильевна вместо ответа и плотно закрыла окно, разом отрезав от Надежды доносящиеся с улицы голоса.

Надежда Николаевна пожала плечами и отправилась к себе в комнату: в конце концов, она не у себя дома, и излишнее любопытство может осложнить отношения с местными жителями.

Через некоторое время после бурных событий в «Трактире» Вику и Нику толкнули в «обезьянник» – тесное помещение, отделенное решеткой от комнаты, где дежурный милиционер, сосредоточенно пытаясь, разгадывал кроссворд.

В «обезьяннике» уже было несколько обитательниц – две развеселые девицы, чьи запредельно короткие платья и босоножки на нереально высоком каблуке выдавали представительниц древнейшей профессии, и старая цыганка в пышных грязных юбках, заставляющих вспомнить детскую загадку «сто одежек и все без застёжек».

– Здорово, швабры! – проговорила хриплым голосом одна из жриц любви. – Замели, да?

– А нечего в таком преклонном возрасте у молодежи хлеб отбивать! – вступила в разговор вторая. – Вам уже на пенсию пора, а туда же – на панель! Кому вы нужны, мочалки старые?

– Кто – старые? Кому – на пенсию? – возмутилась Вика. – Мне лично до пенсии еще очень далеко!.. Мне еще только... впрочем, вас это совершенно не касается!

– Что значит – на панель? – подхватила Ника. – Интересно, за кого это вы нас принимаете?

– Кто вы есть – за того и принимаем! За старых шлюх!..

– Это гнусная клевета! – воскликнула Вика.

– Это возмутительный поклеп! – добавила Ника. – Мы здесь совсем по другому поводу!

– Это по какому же, интересно? – осклабилась жрица любви. – Улицу на красный свет перешли?

– Твое какое дело! – опомнилась Вика и дернула подругу за рукав.

Ника тоже сообразила, что не время сейчас скандалить, и промолчала, изменив своей привычке заканчивать фразу, начатую подругой.

– Девочки, не ссорьтесь! – вмешалась в разговор цыганка. – Чего нам тут делить? Нам тут с вами еще долго кантоваться! Может, кому покурить надо или выпить? У меня все имеется... – И она приподняла край одной из своих многочисленных юбок.

– Чего это нам тут долго делать! – проговорила Вика. – Сейчас разберутся, что мы здесь по недоразумению...

– По ошибке, в отличие от вас! – добавила Ника.

– Ты, подруга, на этот свет по ошибке родилась! – отозвалась «ночная бабочка» и шагнула к Нике с явным намерением залепить ей основательную затрещину, но успела только сорвать с нее шляпу и подбросить ее к потолку.

Шляпа зацепилась за ржавый гвоздь и повисла так высоко, что достать ее не было никакой возможности.

– Ах ты... – Ника сжала кулаки и шагнула к наглой девахе.

– Не ссорьтесь! – повторила цыганка, вклиниваясь между ними, как миротворческий контингент. – Мента не злите... Может, кому травки? Или порошок?

– Не надо нам ничего! – в сердцах огрызнулась Вика. – Мы из-за этого порошок...

– ...и попали сюда! – закончила ее подруга.

– Во как! – с уважением проговорила проститутка и попятилась. – Так бы сразу и сказали, что по серьезному делу! А я вас, извиняюсь, за конкуренток приняла!

– А я вам еще травку свою предлагала! – огорчилась цыганка. – Не обижайтесь, девочки...

– Да мы ни при чем! – продолжала оправдываться Ника. – Мы совершенно случайно под раздачу попали!

– Это все так говорят, – отозвалась жрица любви. – Тут одного медвежатника с поличным взяли, прямо возле открытого сейфа, так он и то говорил, что случайно – мол, шел мимо, заглянул на огонек в сберкассу, глядит – а там сейф открытый...

– Задержанные, цыц! – прикрикнул на них дежурный милиционер. – Никто не знает – слово из пяти букв на «О», означает большую неприятность?

– Облом! – с тяжелым вздохом проговорила Вика.

– О, подходит! – обрадовался дежурный. – А вот еще – слово из десяти букв, начинается на «Н»...

– Это я не знаю! – честно призналась Вика.

– Начальство! – выпалил милиционер, вскакивая.

– Точно, десять букв! – подтвердила Вика. – А по буквам тоже подходит?

– Да при чем тут буквы?! – рявкнул дежурный, одергивая форму. – Угмонитесь, задержанные! Начальство прибыло!

Действительно, входная дверь открылась, и в помещение ввалилась целая толпа немолдых солидных милиционеров.

Все они были в аккуратной офицерской форме с крупными звездами на погонах – майоры, подполковники и даже два полковника. У всех был серьезный, значительный вид людей, привыкших командовать и распоряжаться.

Это были начальники отделов и подразделений милиции из разных городов России, прибывшие на межрегиональную конференцию по обмену передовым опытом защиты правопорядка.

Все были представительны, но самой видной, самой заметной фигурой среди них была державшаяся немного особняком женщина с погонами подполковника. Милицейская форма сидела на ней как влитая, обтягивая великолепный бюст по меньшей мере восьмого размера. Пышные золотисто-рыжие волосы были уложены на голове короной, что было весьма символично.

Окружающие подполковницу коллеги взирали на нее с несомненным уважением и даже восхищением: это была не просто видная и интересная женщина в форме, это была знаменитая Элла Арнольдовна Овчаренко из Челябинска, королева правопорядка, как называли ее в многочисленных газетных публикациях, начальник Челябинского уголовного розыска, гроза воров, бандитов и прочих врагов общества.

Несмотря на эффектную фигуру и роскошные волосы, Элла Арнольдовна десятки раз лично участвовала в задержании вооруженных преступников и умела провести допрос так, что самые матерые рецидивисты выкладывали ей все свои тайны и секреты.

Растерянный дежурный, которому прежде не доводилось встречать столько начальства сразу, не мог сразу определить среди прибывших старшего. Он вытянулся во фрунт и гаркнул во всю силу легких, обращаясь ко всем офицерам сразу:

– Дежурный по отделению старший сержант Помидоров докладывает: чрезвычайных происшествий в мое дежурство не было, в наличии пять человек задержанных, жалоб на режим не поступало...

– Вольно, сержант! – снисходительно проговорил, выступив вперед, крепенький пузатый подполковник из местного управления. – Кто у нас задержанные?

– Двое – из постоянного контингента, – доложил сержант, бросив взгляд на «ночных бабочек». – Ведут аморальный образ жизни, задержаны в профилактических целях. Одна, – он показал на цыганку, – Роза Приветова, известная личность. Промышляет гаданием, мелким мошенничеством и воровством. Еще двое – приезжие, задержаны при проведении операции «Самосад», утверждают, что первый раз...

– Первый раз?! – раздался неожиданно звучный и красивый женский голос, и Элла Арнольдовна Овчаренко, выступив из рядов коллег, приблизилась к решетке «обезьянника». – Да на них же пробы ставить негде! Это же Нинка Клещ и Зинка Гвоздь! Они же Нинель Леоновна Корзинкина и Зинаида Ованесовна Горбушкина, мошенницы и аферистки мирового масштаба! Да я же за ними восемь лет гоняюсь! Да у меня же на них пятнадцать томов уголовных дел заведено!

– Во как! – удовлетворенно проговорил местный подполковник. – Выходит, крупная рыба попала в наши сети!

– Еще какая крупная! – горячилась Элла Арнольдовна. – Одно только дело о хищении из центрального отделения Промбромбанка чего стоит! Эти две дамочки зашли в банк якобы заплатить за телефон и электроэнергию, а после их визита оказались пустыми триста депозитных ячеек! Да у нас весь Челябинск их портретами обвешан! Вся областная милиция разыскивает их который год...

– Ну, подруги, вы даете! – восхищенно проговорила одна из «ночных бабочек». – А с виду ничего особенного, обыкновенные чуврылы в цветочек...

– Это какое-то недоразумение! – испуганно воскликнула Вика. – Мы в Челябинске...

– ...вообще никогда не бывали! – закончила за нее Ника. – Даже не знаем, где это!

– Точно они! – засияла Элла Арнольдовна. – У них главная примета – всегда все вместе делают и разговаривают на два голоса – одна начнет, а другая заканчивает!

– Это какое-то...

– ...ужасное недоразумение! – по привычке вдвоем выдали подруги и тут же в ужасе переглянулись.

– Ну что ж, – подполковник удовлетворенно потер руки и галантно поклонился челябинской королеве, – как офицер милиции, я вас хорошо понимаю и готов пойти вам навстречу. Хотя эти две особы представляют для нашего управления несомненный профессиональный интерес, мы готовы передать их вам в порядке межрегиональной кооперации и дружеской поддержки! Можете забрать их, как только оформим соответствующие документы!..

– Спасибо, подполковник! – Королева угрозыска одарила коллегу многообещающей улыбкой. – Я вам благодарна, а если я кому благодарна – за мной не заржавеет! – Она повернулась к бледным от ужаса подругам и проговорила совсем другим тоном: – Ну, подружки, со свиданницей! Утром вылетаем в Челябинск, а там вас очень давно ждут!

Вика побледнела и сползла на пол.

Ника хотела сделать то же самое, но поняла, что не может себе этого позволить: кто же тогда позаботится о них с подругой?

Кровать была широкая и удобная, матрас – в меру мягкий, постельное белье – свежее и прохладное, казалось бы, все условия для здорового глубокого сна, особенно после дня, проведенного на свежем воздухе, но Надежда никак не могла заснуть. Либо она перегрелась на солнце, либо съела слишком много за поздним ужином, либо кофе за обедом был чересчур крепкий...

Сначала она принялась считать слонов, но слоны у нее получались какие-то чересчур живые и забавные – один синий, другой зеленый, третий в полосочку, как зебра, четвертый вообще в цветочек. Надежда хихикнула и переключилась на овец.

С овцами было еще хуже – у каждой было лицо кого-нибудь из Надеждиных знакомых. У одной овцы – лицо Милки, по чьей милости (вот уж каламбур!) Надежда оказалась в этих краях, у другой овцы – лицо жены Сергея Алисы, у третьей – лицо Пушкина, да еще и густые кудрявые бакенбарды...

В общем, этот метод оказался ничуть не лучше.

Надежда вздохнула, повернулась на другой бок и вдруг услышала за стеной какие-то странные звуки.

Это были то ли горестные вздохи, то ли вой ветра в каминной трубе...

Впрочем, на этом этаже располагались только спальни, а в спальнях каминные не устраивают...

Может быть, этот дом не случайно оказался ей чем-то похожим на английский замок, и в нем, кроме стенных панелей мореного дуба, как в каждом порядочном замке, имеется привидение?

Хотя, кажется, привидения заводятся только в очень старых домах, а этот дом, по словам хозяина, только недавно достроен, и даже прораб пока живет в нем и устраняет недолки...

А может, Сергей специально заказал этому прорабу дом с привидением? Может быть, это новое слово в загородной архитектуре? Специальная встроенная стереоустановка, создающая эффект блуждающего по дому призрака?

Надежда Николаевна села в постели и включила лампу на прикроватной тумбочке.

Она поняла, что заснуть ей все равно не удастся.

В таких случаях лучше не тратить силы на бесплодную борьбу с бессонницей, а заняться каким-нибудь делом, хотя бы почитать, а там, глядишь, и сон придет...

Для такого случая у Надежды была припасена новая книжка писательницы Мымриной. Однако не успела она раскрыть яркий томик, как вдруг снова услышала подозрительные звуки. На этот раз они доносились не из-за стены, а из-за двери ее комнаты.

В эту дверь кто-то отчетливо скребся.

– Господи, неужели здесь еще и крысы?! – воскликнула Надежда в ужасе. – Новый же дом!

Хотя Надежда Николаевна была дамой решительной, умной и рациональной, крыс она боялась панически, как всякая нормальная женщина. При виде этих грызунов, да что при виде, при одной мысли о них в ее душе просыпались какие-то первобытные, мистические страхи.

Включив верхний свет, она вооружилась первым, что попало ей под руку (это оказался забытый кем-то в ее комнате длинный мужской зонтик), и медленно двинулась к двери.

Пока она преодолевала отделявшее ее от двери расстояние, разумная часть ее души одержала верх, и Надежда Николаевна поняла, что за дверью находится вовсе не крыса (крысы не имеют обыкновения скрестись в дверь, они перемещаются своими собственными ходами). Скорее всего в ее комнату пытается пробраться Дэзи, лысая кошка хозяйки дома. Возможно, она ошиблась дверью или просто хотела поближе познакомиться с Надеждой.

Хотя Дэзи Надежде с первого взгляда не понравилась, все же никакого страха она перед ней не испытывала и, облегченно переведя дыхание, повернула дверную ручку.

Царапанье за дверью к этому времени прекратилось, и когда Надежда выглянула в коридор, она не увидела перед дверью ни крысы, ни кошки, ни мышонка, ни лягушки, ни неведомой зверюшки, выражаясь словами все того же Александра Сергеевича.

Отметив, что в этих местах Пушкин приходит в голову по любому поводу и вовсе без повода, Надежда подняла взгляд и увидела мелькнувший в дальнем конце коридора бледно-сиреневый силуэт.

Женская фигура в развевающихся шелках мелькнула последний раз и скрылась за поворотом коридора.

Надежда недоуменно пожала плечами (этот жест уже вошел у нее в привычку), закрыла дверь и вернулась в постель.

Должно быть, Алиса увидела свою любимицу в коридоре и забрала ее.

Ничего удивительного, но все вместе создавало какую-то нарочитую атмосферу типичного английского детектива – странные звуки за стеной, тени в коридоре...

Надежда закрыла глаза с твердым намерением крепко заснуть и проспать до утра, чтобы встать свежей и бодрой. И постараться наладить отношения с хозяйкой дома, потому что провести три дня в такой атмосфере – это полный кошмар. Возможно, они сойдутся с Алисой на почве котов? В конце концов, что с того, что кошка лысая? На вкус и цвет, что называется, товарищей нет. Кому-то нравятся такие голые сфинксы, а кому-то – такие пушистые рыжие разбойники, как ее кот Бейсик.

Надежда вспомнила про своего кота и тяжело вздохнула. Бейсик сейчас на даче, она хотела его навестить, да вот вместо этого попала в этот тоскливый дом. И должна теперь тут сидеть как привязанная.

Нет, определенно заснуть не удастся. Надежда ворочалась на жестком ортопедическом матрасе, было жарко и душно. Наконец, оставив бесплодные попытки, она встала, завернулась в зеленый купальный халат и вышла на балкон.

«Подышу воздухом, глядишь – и засну... – подумала она, – воздух какой свежий...»

Ночь и вправду была хороша. Звенели кузнечики, воздух был напоен запахом цветов. Надежда вдохнула полной грудью и прикрыла балконную дверь – сыровато, как бы из парка комары не налетели. Вроде бы пора им уже отойти, да больно погода хорошая, теплая, вот они и плодятся...

Она облокотилась на перила. Внизу газон был освещен разноцветными фонариками, сверху пыталось накрыть Надежду огромное небо, усыпанное бесчисленными звездами.

Тиха украинская ночь. Прозрачно небо. Звезды блещут...

Вспомнились пушкинские строки.

Надежда уже перестала удивляться – видно, и впрямь над этими местами витает дух Александра Сергеевича, который подсказывает слова стихов. Надежде стало удивительно хорошо и спокойно.

Она постояла еще немного, думая, можно ли пересказать этот эпизод мужу. Выходило, что нельзя – муж у Надежды человек наблюдательный, сразу же обнаружит нестыковки,

пойдут расспросы. Она сама не понимала, отчего не хочет признаваться, что проведет эти три дня в гостях у старого сослуживца. Вроде бы муж и Сергея в свое время знал... Или тот к тому времени уже уволился...

Из сада пахло сыростью, да еще ветерок подул. Надежда зябко пожала плечами и решила пойти спать. Она взялась за ручку балконной двери. Дверь не открылась.

Надежда попыталась повернуть ручку, та не поддавалась. Надежда дернула сильнее. Дверь не шелохнулась.

– Что за черт! – Надежда рванула изо всех сил, и проклятая ручка отвалилась. Тупо глядя на ручку, Надежда с трудом осознавала свое положение. Оно было настолько диким, что не укладывалось в голове. Быть среди ночи запертой на балконе! В чужом доме, среди незнакомых и неприветливых людей!

Надежда Николаевна взяла себя в руки и попыталась успокоиться.

«Нет такого положения, из которого не было бы выхода!» – мысленно воскликнула она с самой бодрой интонацией.

Но ручка, валявшаяся на плиточном полу балкона, доказала ей обратное. Надежда ощутила дверь и при свете выплывшего из маленького облачка месяца увидела наверху небольшую задвижку. Многолетний инженерный опыт помог ей сообразить, что при выходе на балкон полагалось эту задвижку защелкнуть, тогда замок на двери блокируется. Надежда не заметила в темноте задвижки, и дверь через некоторое время захлопнулась автоматически. Очевидно, так было предусмотрено проектом – мало ли кто забудет дверь закрыть или сама она нечаянно распахнется...

Мысли Надежды Николаевны обратились к архитектору Олегу.

«Вот паразит! – в сердцах подумала она. – Мало того что спроектировал такое безобразие, так еще и норовит половить рыбку в мутной воде! Меньше бы думал о хозяйской жене и больше о работе, тогда я бы не сидела сейчас, как воробей на ветке!» Она тут же опомнилась. Сюда, на ночной балкон, она попала по собственному легкомыслию и глупости. Ну с чего ей вдруг захотелось гулять посреди ночи? Лежала бы себе в теплой постели... При мысли о теплой постели с чистыми простынями и легким одеялом Надежду пробрал озноб. Да тут еще ни с того ни с сего налетел порыв ощутимо холодного ветра – все же глубокая ночь на дворе! Надежда забормотала, стуча зубами:

Ветер, ветер, ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Ты гуляешь на просторе...

Она усмехнулась в темноте. Рано утром ее найдут на балконе, окоченевшую от холода и бормочущую стихи Пушкина. Что там еще?

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет.
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах...

Надежда поняла, что следует срочно взять себя в руки. И оставить в покое королевича Елисея и царя Салтана. Они ей не помогут, как, впрочем, и царевна-Лебедь, и все тридцать три богатыря, вместе взятые. Надеяться она может только на себя.

Она сосредоточилась и вспомнила, что балкон, как и нижняя терраса, проходит вдоль всей восточной стены дома и даже немного заворачивает на северную. И все спальни тоже

были расположены по восточной стороне, чтобы утреннее солнышко приветливо заглядывало в окна. Надежда Николаевна усмехнулась, вспомнив, как Алиса выговаривала что-то мужу – дескать, не поспать толком, солнце светит, и птицы орут с утра пораньше.

Ей пришло в голову, что можно пройти по балкону и попытаться открыть хоть какую-то дверь, возможно, ей повезет. То есть, конечно, в спальню к хозяевам она ни за что не вломится, но вдруг найдется пустая комната? Нельзя опускать руки.

Надежда подхватила босой ногой свалившийся шлепанец и двинулась по балкону влево. Там, как она помнила, была еще одна гостевая комната. И разумеется, не только балконная дверь, но даже и форточка были плотно закрыты. Черт бы побрал эту Марианну Васильевну с ее аккуратностью!

Надежда сделала еще несколько шагов. На плитки балкона перед ней падало пятно света. Это была комната, которую в данное время занимал Олег. Занавески были отдернуты, и форточка открыта. Сам обитатель комнаты сидел на неразобранной кровати в одних брюках и разговаривал по мобильному телефону. Вернее, он не говорил ни слова, а только слушал. И на лице его было при этом какое-то странное выражение, совсем не такое, как обычно. То есть Надежда мало знала этого человека, но видела, что с ним происходит что-то не то. На лице его было самое настоящее отчаяние. Олег беспокойно пошевелился, и Надежда отпрянула от окна. Потом прижалась к стене и осторожно бросила взгляд в комнату. Олег внимательно и сосредоточенно слушал, плотно прижав трубку к уху. Понемногу злость и отчаяние уступили место спокойствию и умиротворению. Олег даже улыбнулся чему-то.

«Что за разговоры во втором часу ночи? – подумала Надежда. – Неужели он слушает какой-нибудь сексуальный канал? А тут я влечу в окно, как ведьма! Вот извращенец несчастный!»

Надежда развернулась и, пригибаясь, как солдат под пулями, отправилась назад. Миновала свою дверь, дальше была комната Петра Афанасьевича. Форточка была приоткрыта, из нее раздавался богатырский храп.

Надежда расстроилась – если бы старик бодрствовал, с ним вполне можно было бы договориться. Он бы не стал орать и смеяться, а просто впустил бы Надежду без лишних разговоров, а потом препроводил в коридор. И болтать об этом досадном происшествии тоже не стал бы – у него самого есть тайна. Но спит он крепко, а еще говорят о какой-то стариковской бессоннице! Его не то что легким стуком в окно, а пушками не разбудишь!

Надежда разочарованно вздохнула и пошла дальше. Дальше была спальня хозяев. На балкон выходили два больших окна и широкая балконная дверь. Окна были плотно зашторены, и на пол падала узкая полоска света. Надежда обрадовалась было, увидев, что балконная дверь приоткрыта, но тут услышала голоса. Супруги разговаривали на повышенных тонах.

– Я же просил, кажется, чтобы ты не пускала ее в постель! – ворчал муж. – Она мне мешает, и вообще шляется по саду, а потом – на чистую наволочку. У меня такое чувство, что я сплю в парке под кустом или в сарае!

– Оставь нас в покое! – огрызалась Алиса. – Дэзи – единственное родное мне существо, без нее я бы не выдержала в этой глуши!

– Ты прекрасно знаешь, что я много и тяжело работаю! – вспылil Сергей. – И хотя бы когда я здесь, кошка может не валяться у меня на голове! Могу я хотя бы отоспаться за выходные? Сама дрыхнешь всю неделю до полудня!

– А что мне еще остается делать? – зашипела Алиса. – Я скоро свихнусь здесь совсем от скуки!

– Ну-ну, доктор сказал, что тебе тут будет привольно и спокойно. Проживешь лето и осень, окрепнешь, потом поедем в город...

– Да! – неожиданно твердо ответила Алиса. – Ты прав, всегда и во всем! Дэзи, пошла вон!

И женская узкая рука выбросила кошку на балкон, Надежда едва успела откатиться в сторону. В панике она подумала, что кошка заорет сейчас благим матом, Алиса выскочит за ней и увидит, что Надежда подслушивает. Какой позор!

И Надежда Николаевна, приличная интеллигентная дама, опустила на четвереньки и заторопилась отползти как можно дальше от хозяйской спальни.

Она завернула за угол и оглянулась. Кошка и не думала орать, она спокойно умывалась в пятне света.

«Умница какая!» – умилилась Надежда.

Балкон тут, за углом, и заканчивался, осталось одно окошко. И к величайшей радости Надежды, оно было открыто. С трудом протиснувшись в узкую комнатку, Надежда поняла, что это чулан, где сложены разные вещи – матрасы, одеяла, неиспользованная садовая мебель. Окно было открыто хозяйственной Марианной Васильевной, чтобы не пахло в кладовке затхлостью.

Надежда бодро скакнула к двери. В коридоре никого не было. Радуюсь, что не заперла изнутри дверь своей спальни, Надежда взяла в руки шлепанцы, босиком прокралась к себе и только за дверью облегченно перевела дух.

Как ни странно, от пережитых волнений Надежду внезапно клонило в сон.

Она плюхнулась на кровать, натянула одеяло, закрыла глаза...

И почти сразу подскочила от истошного крика.

Крик доносился откуда-то снизу.

Он вибрировал, нарастал, наполнял весь дом, достиг невыносимой, душераздирающей высоты и внезапно оборвался.

И наступившая после этого тишина показалась Надежде еще оглушительнее, чем крик.

От этой тишины Надежда окончательно проснулась и подскочила на кровати.

В окна сквозь плотные серебристые шторы проникали лучи утреннего солнца. Значит, она все же спала, причем довольно долго.

О том же самом говорили часы на стене – они показывали семь часов утра.

Но этот крик...

Может быть, он Надежде приснился?

Но в ушах у нее еще звенели его отголоски, и за дверью спальни раздавались торопливые шаги и тревожные голоса.

Надежда Николаевна почувствовала знакомое покалывание в кончиках волос.

Обычно это покалывание говорило ей о том, что где-то совсем рядом происходит что-то загадочное и криминальное. То самое, без чего в последние годы жизнь казалась ей пресной и скучной, как диетическая еда в профсоюзном санатории.

Она несколько не удивилась – примерно чего-то такого она и ожидала. Если уж следовать канонам детектива, то сейчас она найдет где-нибудь в библиотеке тело неизвестной блондинки. То есть, судя по крику, тело уже нашли. Только, кажется, у них нет библиотеки. Ну, значит, тогда в столовой...

Надежда встала с кровати, накинула халат и выглянула в коридор.

Теперь она отчетливо расслышала доносящиеся снизу, с первого этажа, приглушенные голоса и всхлипывания.

Надежда запахнула халат и бросилась к лестнице.

С лестничной площадки она увидела собравшихся в холле обитателей дома. Здесь был Сергей в темно-синей шелковой пижаме, Марианна Васильевна в скромном фланелевом халате в цветочек, был даже Петр Афанасьевич в барской домашней куртке малинового

шелка с вязаными петлями. Он восседал в своем инвалидном кресле, и Надежда невольно задала себе вопрос, кто же его прикатил в этой суматохе.

Но посреди всей этой живописной группы в центре холла на черно-белых плитках пола распласталась тонкая женская фигура в бледно-сиреновом шелковом пеньюаре. Полы пеньюара разметались по полу, как крылья подстреленной птицы.

Несомненно, это была Алиса.

В первый момент Надежда вообразила, что хозяйка мертва, но потом она увидела, как мелко дрожат ее плечи, как судорожно вздрагивает узкая спина, и поняла, что Алиса безутешно рыдает и что, несомненно, именно она издала тот оглушительный вопль, который поднял на ноги всех обитателей имения.

– Алиса, золотко, что случилось? – робко осведомился Сергей, подойдя к жене и наклонившись над ней.

Эти слова сыграли роль детонатора, вызвавшего в душе Алисы новый взрыв эмоций.

– Что случилось? – воскликнула она. – И ты еще спрашиваешь!

Она вскочила с пола и трагическим жестом показала на какой-то бесформенный комок, валявшийся на блестящих плитках.

Этот комок можно было принять то ли за смятую, небрежно сброшенную кофточку, то ли за половую тряпку. Но, приглядевшись, Надежда поняла, что это Дэзи, лысая кошка Алисы, кошка экзотической породы сфинкс... точнее, то, что осталось от этого дорогого избалованного существа.

– Ее убили! – воскликнула Алиса звенящим голосом. – Ее убили и подбросили сюда! Это все из-за тебя, из-за тебя!

– Солнышко, прошу тебя, успокойся! – проговорил Сергей и попытался обнять жену за плечи. – Прощу тебя...

Но Алиса отшатнулась от него как от зачумленного и резко, истерично выкрикнула:

– Не прикасайся ко мне! Это ты виноват!

– Да при чем же здесь я?! – недоуменно протянул Сергей.

– Тебе важно только доказать свою невиновность, мои страдания тебя ничуть не заботят! – без всякой логики бросила ему в лицо жена. – Тебе нет до них никакого дела!

– Что ты говоришь... – Теперь в голосе Сергея звучала злость.

– Я знаю, что я говорю! – Алиса отступила на шаг, оглядела мужа с ног до головы. – Ты вбил себе в голову эту дурацкую идею – поселиться в этой глуши, в этом медвежьем углу!

– Но мы обсуждали это с тобой! – оправдывался Сергей. – Мы вместе приняли это решение! И это вовсе не глушь, не медвежий угол, это чудесные места... И потом... – Тут Сергей оглянулся на Надежду и на всех остальных и замолчал, только скрипнул зубами.

– И в этих чудесных местах ты умудрился со всеми перессориться! Это Игнат, я уверена, это он! – орала Алиса.

Голос у нее был неестественно высокий, с истерическими всхлипываниями.

– Может быть... – согласился Сергей мрачно, на щеках у него ходили желваки. – Если хочешь, я вызову милицию...

– Если хочешь?! – передразнила его Алиса. – Значит, это только мои капризы? Значит, ты считаешь, что ничего серьезного не произошло?! Что я устраиваю шум на пустом месте?!

– Нет, я вовсе так не считаю...

– Не нужно никакой милиции! – воскликнула Алиса. – Как будто твоя милиция вернет мне Дэзи! Они будут только шлаться по дому, совать всюду нос и говорить, что ничего не произошло, что из-за какой-то кошки нечего поднимать шум... Ты теперь рад?

– Чему это я должен быть рад? – искренне удивился Сергей.

– Ты всегда ненавидел Дэзи, ты желал ей смерти! – выпалила Алиса. – Если бы ты не выбросил бедное животное ночью на улицу...

Надежда невольно вспомнила, что ночью-то кошку выбросила на балкон сама Алиса. Если уж не хотела отпускать животное, то заперла бы в холле. Хотя когда это кошку можно было посадить под замок? Кошки ведь ходят где вздумается и гуляют сами по себе...

Как бы там ни было, но Алису жаль, не дай Бог увидеть любимую кошку мертвой! Надежда сделала было шаг ближе, чтобы утешить Алису или хотя бы выразить соболезнование, но та посмотрела на нее с такой ненавистью, что Надежда попятилась.

– Дорогая! – попытался остановить жену Сергей. – Прошу тебя, успокойся! Все же в доме посторонние люди!..

– Вот именно! Ты назвал полный дом посторонних людей! Их чувства для тебя важнее, чем мои!..

Она резко развернулась, сиреневый шелк взметнулся, обвив ее тонкий стан. Алиса заломила руки и скрылась за одной из дверей.

Сергей оглядываясь, заметил Надежду, растерянно развел руками и, ничего не говоря, удалился. Марианна Васильевна вооружилась совком и унесла кудато останки несчастной Дэзи.

В холле остались только Надежда и Петр Афанасьевич.

– Кто такой этот Игнат? – спросила Надежда, подходя к старику.

– Местный житель, – ответил тот, пожевав губами. – Абориген, так сказать. Возмнившийся себя обиженным и оскорбленным.

– А что, были причины?

– Было бы желание – причины оскорбиться всегда найдутся, особенно у человека пьющего. Знаете, такие люди особенно обидчивы...

И старик рассказал Надежде Николаевне краткую, но драматичную историю из категории взаимоотношений новых русских с местным населением.

Когда Сергей Баруздин решил обосноваться в Пушкинских Горах, он договорился с кем-то из местной администрации, и ему продали большой участок под строительство дома и устройство имения. Правда, на краю этой территории находилась ветхая покосившаяся избушка едва ли не пушкинских времен, но хозяйка избушки, разбитная молодящаяся особа по имени Ангелина, работавшая поварихой на местной турбазе, охотно продала этот «памятник старины» вместе с прилегающей территорией за малые для Сергея деньги.

Избушку снесли, территорию благоустроили, выстроили дом со всеми полагающимися службами и пристройками – и тут-то обнаружился подводный камень, да еще и большущий.

На горизонте появился муж Ангелины, тот самый Игнат.

Оказалось, что в момент продажи избушки он находился в местах не столь отдаленных, а именно – на зоне, куда угодил за пьяную драку с последующим членовредительством.

Вернувшись в родные места, Игнат обнаружил... точнее, как раз не обнаружил родного дома. И заявился с претензиями к Сергею.

Он стоял перед окнами и орал, что его лишили родного гнезда, обездолили и что он этого так не оставит.

Сергей поначалу хотел спустить дело на тормозах, растолковал Игнату, что жена продала избушку на законных основаниях, и даже заплатил ему какие-то деньги, чтобы умерить негодование.

Игнат деньги, разумеется, взял, тут же пропил со своими закадычными друзьями (с которыми познакомился полчаса назад) и пришел в еще большее негодование. На следующий день он снова заявился под окна особняка и заорал, колотя себя кулаками в грудь:

– Я в этой избе с самых пеленок вырос, я в ней исключительно пешком под стол ходил, а ты ее под бульдозер пустил! Я в ней каждую щепочку поименно помню, каждый сучок, каждую половицу, а ты ее – на снос! Кто же ты после этого? Ты после этого мироед, подлец, враг трудового народа и голландский шпиён!

Сергей удивился, почему его обозвали именно голландским шпионом, а не бельгийским или, к примеру, швейцарским. Удивило его и то, почему Игнат причисляет себя, большую часть сознательной жизни проведшего в кабаке или на зоне, к трудовому народу, а его, Сергея, работающего нередко по шестнадцать часов в день, без праздников и выходных, к бездельникам, мироедам и подлецам.

Однако это были вопросы пустые и теоретические, а на практике Сергею хотелось только одного – чтобы горластый абориген ушел с его глаз далеко и надолго.

С этой целью он пригрозил Игнату милицией, а также пообещал следующий раз спустить на него собаку.

Игнат на это ответил, что милиции он не боится, потому что участковый Иваныч его сват и лучший друг, с которым они на двоих выпили неизмеримое количество крепких алкогольных напитков и прочих спиртосодержащих жидкостей, а собаку Сергея он непременно отравит, как опасную для общества.

В конце концов Сергей преодолел собственный миролюбивый характер, спустился и взащей вытолкнул пьяного аборигена прочь со своей территории.

По дороге тот пытался драться с хозяином, но силен он был только на словах, Сергей был куда крепче и, несмотря на врожденное миролюбие, отвесил ему в воспитательных целях пару увесистых тумаков. Вытолкнув Игната за ворота, Сергей придал ему начальное ускорение и велел больше не показываться на глаза.

На несколько дней Игнат утихомирился, но потом (видимо, когда у него кончились деньги) снова притащился под окна особняка. Как уж он пробирался на территорию поместья – неизвестно, должно быть, знал какую-то тайную тропинку в обход изгороди.

На этот раз Игнат не обзывал хозяина шпионом и мироедом. Он поставил перед собой прямую и практичную цель – выбить из Сергея денег, и по возможности побольше.

– Жулик! – кричал он под окном. – Ты почему с Гелькой насчет дома договаривался, когда я – законный владелец? Это мое было родовое имение, значит, ты без моего участия никак не мог его купить! И Гельке ты мало заплатил, так что гони мне сей же момент всю причитающуюся сумму! И с процентами за невыносимый моральный урон!

Видимо, проживание в Пушкинских Горах не прошло для Игната даром: назвать ветхую полуразвалившуюся халабуду родовым имением мог только человек с хорошо развитой фантазией и некоторым литературным даром.

Дальше Игнат перешел-таки к любимой теме – начал орать, что он – представитель трудового народа, а Сергей – паук и эксплуататор, пьющий из этого самого народа кровь... видимо, в школе в его сознание сумели-таки крепко вбить основы марксизма-ленинизма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.